

ХРИСТИАНСТВА
НЕТ БЕЗ ЦЕРКВИ

ХРИСТИАНСТВА НЕТ БЕЗ ЦЕРКВИ

ПОСТЕПЕННОЕ ПОМУТНЕНИЕ ВЕРЫ В ЦЕРКОВЬ

*Верую во единую святую, соборную
и апостольскую Церковь.*

Так в девятом члене Символа веры исповедует каждый православный христианин свою веру в великую истину Церкви.

Но едва ли можно указать на иной член Символа веры, который столь мало воспринимался бы сердцем человека, устами читающего Символ веры, как именно девятый, где и выражена истина Церкви. Отчасти это и понятно. Ведь именно в девятом члене Символа веры человек исповедует свою связь с видимым обществом последователей Христовых, и тем самым, уже в этих кратких словах исповедания он даёт обещание соглашаться со всеми истинами, преподаваемыми Церковью, являющейся хранительницей Христова учения, и в жизни своей подчиняться всем тем законам, которыми Церковь достигает цели своего существования и по которым она, как общество, живущее на земле, управляется. Поэтому, думается, мы не погрешим, если выскажем ту мысль, что истина Церкви, по преимуществу перед всеми другими, касается самой жизни каждого христианина и определяет не только его верование, но и самую его жизнь. Признать Церковь – это значит не мечтать только о Христе, а жить по-христиански, идти путём любви и самоотречения. Вера в Церковь требует подвига и от ума, и от воли человека. А потому-то и противна истина Церкви тем началам жизни, которые долгим путём и незаметно вкрались в сознание и мировоззрение даже и русского православного общества, преимущественно, конечно, так называемого общества интеллигентного и образованного.

С печальных для Церкви времён **Петра I-го** верхи русского общества оторвались от церковной народной жизни и стали жить, скорее, общей жизнью со всеми другими европейскими народностями, только не с русской. Подчиняясь западному

влиянию во всех областях жизни, русское общество не могло избежать влияния и на строй своего религиозного мировоззрения со стороны западных исповеданий. А эти-то исповедания недаром верным сыном Православной Церкви и святой Родины А. С. Хомяковым названы «ересями против догмата о существе Церкви, против её веры в самоё себя», и отрицание Церкви не напрасно считал он самой характерной чертой и католичества, и протестантства.

Истина Церкви много была искажена **на Западе** после отпадения Рима от Церкви, и Царство Божие стало походить там на царство земное. Латинство с его земными счетами добрых дел, с его наёмническим отношением к Богу, с его подделкой спасения помрачило в сознании своих членов христианскую идею Церкви.

Латинство породило вполне законное, хотя и весьма непокорное чадо в лице протестантства. **Протестантство** не было лишь протестом подлинного древнецерковного христианского сознания против тех искажений истины, которые были допущены средневековым папством, как это нередко склонны представлять протестантские богословы. Нет, протестантизм был протестом одной мысли против другой; он не восстановил древнего христианства, а одно искажение христианства заменил другим, и была новая ложь горше первой. Протестантизм сказал последнее слово папизма, сделал из него конечный логический вывод. Истина и спасение даны любви, то есть Церкви, – таково церковное сознание. Латинство, отпав от Церкви, изменило этому сознанию и провозгласило: истина дана отдельной личности в лице папы, – пусть одному папе, но всё же одной личности, без Церкви, – и папа же заведует спасением всех.

Протестантизм только возразил: Почему же истина дана одному лишь папе? – и добавил: истина и спасение открыты всякой отдельной личности независимо от Церкви. Каждый отдельный человек был им произведён в непогрешимые папы. Протестантизм надел папскую тиару на каждого немецкого профессора и со своим бесчисленным количеством пап совершенно уничтожил идею Церкви, подменил веру рассудком отдельной личности, а спасение в Церкви подменил мечтательной уверенностью в спасение через Христа без Церкви, с

себялюбивой обособленностью от всех. Для протестанта истина только то, что ему нравится, что он сам считает за истину. На практике, конечно, и протестанты с самого начала окольными путями, контрабандой так сказать, ввели некоторые элементы догмата о Церкви, признав кое-какие авторитеты, хотя бы в области вероучения. Будучи по существу церковным анархизмом, чистый протестантизм, как и всякий анархизм, оказался совершенно неосуществимым на деле и тем самым засвидетельствовал перед нами ту непреложную истину, что душа человеческая по природе церковна.

Однако протестантизм пришёлся весьма по душе людскому себялюбию и своеволию всех родов. Себялюбие и своеволие получили в протестантизме как бы некоторое освящение и благословение, что сказалось и ныне обнаруживается в бесконечном давлении и дроблении прежде всего самого протестантизма. Именно протестантизм открыто провозгласил эту величайшую ложь: можно быть христианином, не признавая никакой Церкви. Связывая же, однако, своих членов некоторыми обязательными авторитетами и церковными правилами, протестантизм тем самым запутывается в безвыходном противоречии: сам же освободил личность от Церкви и сам же ставит некоторые границы этой свободы. Отсюда постоянный бунт протестантов против тех немногих и жалких остатков церковности, которые всё ещё сохраняются официальными представителями их исповедания.

Вполне понятно, что именно протестантизм наиболее соответствует общему утвердившемуся на Западе настроению. Там, на Западе, достигли большего благоустройства внешней жизни, и люди возгордились этими успехами, полюбили себя до забвения и Бога, и ближних. Греховное себялюбие, презрение к ближнему там проповедует и модная философия, и художественная литература. Как же гордый европеец примет учение о Церкви, когда для того, чтобы принять это учение, прежде всего следует отрешиться от себялюбия и своеволия, подчиниться Церкви и научиться любить людей, смиренно поставя себя ниже других?

В современной нам религиозной жизни русского общества имеется непосредственное влияние протестантизма.

Всё наше **русское рационалистическое сектантство** взяло свои идейные корни в протестантизме, от которого непосредственно и происходит. Ведь откуда к нам являются разные сектантские миссионеры, как не из стран протестантских? А потому почти все пункты разногласия сектантов с Церковью Православной сводятся именно к отрицанию Церкви во имя мнимого «евангельского христианства».

Но и независимо от лжеучения протестантства весьма многие приходят к отрицанию Церкви, усваивая вообще западноевропейское миросозерцание, развившееся вне Церкви и духу Церкви совершенно чуждое и даже враждебное.

Больше и больше проникает к нам западноевропейское себялюбие. Наша литература, которая раньше была проводницей любви и нравственного возрождения, особенно в бессмертных произведениях великого Достоевского, а в последние годы, например, в лице Горького, Андреева и им подобных, преклонила колена пред западноевропейским Ваалом гордого себялюбия и самообожания. Когда в православном обществе любовь вытесняется гордостью и самолюбием, когда гордость получает почтенное название «*благородной*», хотя святые отцы Церкви говорят о самолюбии и гордости только бесовских, когда самоотречение сменяется самоутверждением и смиренное послушание – гордым своеволием, тогда, конечно, окутывается густым туманом светлая истина Церкви, неразрывно связанная с добродетелями, прямо противоположными этим порокам.

В течение уже долгих лет отвыкали русские люди мыслить по-церковному, постепенно даже потеряли мысль о Церкви как о новой Христовой жизни. Было некогда доброе время, когда И. Т. Посошков завещал сыну своему: «Я тебе, сын мой, твёрдо завещаю и заклинаю, да всеми своими силами держишься святой восточной Церкви, как родной матери... и всех противников святой Церкви удаляй от себя и никакого с ними сообщения дружеского не имей, поскольку они враги есть Божии».^[1] Какая ясность и определённая мысль! По мысли Посошкова, противник Церкви – непременно враг Божий. Такую ясность мысли весьма многие теперь уже потеряли, и мало-помалу создавалась в наши дни самая ужасная подделка веры Христовой. Именно на эту веру посмотрели только как на учение, которое можно принимать одним умом. Христианство, в смыс-

ле церковной жизни, возрожденного Христом Спасителем человечества, совсем почти позабыто.

ПОДДЕЛКА ЦЕРКВИ ХРИСТИАНСТВОМ

Христос Сам сказал, что Он создаст Церковь, но разве теперь говорят о Церкви? Нет, теперь предпочитают говорить о христианстве, причём христианство рассматривают как какое-нибудь философское или нравственное учение. Христианство, – это звучит, как новокантианство или ницшеанство! Эта **подделка Церкви христианством**, как тонкий яд, проникает в сознание даже и церковного общества. Она – тонкий яд, потому что скрыт он под цветистой оболочкой громких речей о недостатках «исторического христианства» (то есть Церкви?), о его будто бы несоответствии какому-то «чистому», «евангельскому» христианству. Евангелие и Христос противопоставляются Церкви, которая почему-то называется «исторической», как будто есть или была когда-нибудь другая, «неисторическая» Церковь! Воистину, здесь Сатана принял образ ангела света. Он делает вид, будто правду Христову хочет очистить от неправды человеческой.

Невольно вспоминается при этом мудрое изречение преподобного Викентия Лиринского: «...Когда увидим, что некоторые приводят апостольские или пророческие изречения в опровержение вселенской веры, мы не должны сомневаться в том, что устами их говорит дьявол; а чтобы незаметнее подкрасться к простодушным овцам, прячут они свой волчий вид, не покидая волчьей лютости, и, как руном, окутываются изречениями Божественного Писания, чтобы, чувствуя мягкость шерсти, никто не побоялся их острых зубов».^[2]

Это свойство гордого и себялюбивого человека: обо всём он рассуждает смело и самоуверенно, хотя в сущности не понимает того, что утверждает. Особенно ясно обнаруживается это в вопросах веры. Здесь все хотят быть учителями, апостолами и пророками. Здесь не смущаются даже своим полным невежеством. В других областях люди, ничего не знающие, предпочитают хоть молчать. Но в вопросах веры у нас теперь больше всего рассуждают и проповедуют те, кто меньше всего в этих

вопросах понимает. Ведь ещё ап. Павел говорил, что кто отступил от чистосердечной любви, от доброй совести и нелицемерной веры, тот уклоняется в пустословье, желая быть законоучителем, но не разумея ни того, о чём говорит, ни того, что утверждает (1 Тим. 1:5-7).

Во всём в этом современном пустословии особенно часто проскальзывает печальное недоразумение, которое можно назвать отделением христианства от Церкви. Потому люди и начинают рассуждать слишком самоуверенно о делах веры, что допускают возможность существования какого-то христианства не только независимо от Церкви, но даже и враждебного Церкви. Полагают, что можно быть христианином и в то же время враждовать с Церковью. Теперь совершенно по-разному относятся к Церкви и к христианству. Люди, которые мало думают о Боге и о вечности, всё же считают как бы долгом приличия, хоть на словах, отозваться о христианстве с почтением. До полного и открытого презрения к христианству, до открытой вражды к нему дело у нас ещё не дошло. Этого предела достигли только немногие «обладаемые дьяволом» (Деян. 10:38), наиболее «передовые» (если, конечно, считать по направлению к аду) отщепенцы.

Рядовые же «обыватели», повторяем, о христианстве говорят обыкновенно с некоторым почтением. «Христианство, о! – это, конечно, высокое и великое учение. Кто же против этого спорит?» Так примерно отзываются о христианстве. Но в то же самое время считается как бы признаком хорошего тона быть в какой-то, часто – бессознательной, вражде ко всему церковному. В душе многих наших современников как-то вместе уживаются почтение к христианству и пренебрежение к Церкви. Христианами, по крайней мере, не стесняются называть себя все, но о Церкви и слышать не хотят и стыдятся чем-либо обнаружить свою церковность. Люди, по метрикам звучащие «вероисповедания православного», с каким-то непонятным злорадством указывают на действительные, а чаще на вымышленные недостатки церковной жизни, не скорбят об этих недостатках по заповеди Апостола: *«Страдает ли один член, страдают с ним и все члены»* (1 Кор. 12:26), но, именно, злорадствуют. В нашей, так называемой «прогрессивной», печати есть множество лиц, которые добывают себе средства к существованию исключительно почти клеветой на церковные учреждения, на

представителей церковной иерархии. Клевета на всё церковное стала теперь для некоторых просто выгодным ремеслом. Но этой-то заведомой лжи спешат верить безо всякого сомнения даже те, которые считают себя настоящими христианами. У недобрых людей бывает так, что когда слышат они что-нибудь дурное о своих врагах, то спешат всему этому дурному верить, боясь, как бы это дурное не оказалось неправдой. Вот именно то же самое приходится наблюдать и в отношении некоторых людей к Церкви. Церковь для них как бы враг, слышать дурное о котором всегда так приятно грешному человеку. Здесь мы опять-таки видим, как широко распространено теперь отделение христианства от Церкви: считают себя христианами, а о Церкви и слышать не хотят ничего доброго.

Но разве возможно было бы что-нибудь подобное, если бы ясна была идея Церкви, если бы не была она подменена другими, совершенно непонятными и неопределёнными величинами? Можно ли себе представить, чтобы в век апостольский христианская Церковь подвергалась каким-либо укоризнам со стороны язычников за то, что она отлучает от себя негодных членов, например, еретиков? А ведь в первые века отлучение от Церкви было самой обычной мерой церковной дисциплины, и все считали эту меру вполне законной и весьма полезной. Почему же так? А потому именно, что тогда Церковь выступала яркой и определённой величиной, именно, **Церковью**, а не просто каким-то христианством. Тогда не оставалось места для нелепой мысли о том, будто христианство – одно, а Церковь – другое, будто христианство возможно помимо Церкви. Тогда вражда против Церкви была враждой и против христианства. Вражда же против Церкви во имя, якобы, какого-то христианства – это исключительное явление наших печальных дней. Когда христианство являлось в очах мира именно Церковью, тогда и самый этот «мир» ясно понимал и невольно признавал, что Церковь и христианство одно и то же.

Иногда кажется, будто вся Церковь наша в рассеянии, как бы в каком разброде. Не знаешь, кто наш, кто от супостатов наших. Царствует в умах какая-то анархия. Слишком много появилось «учителей». «Идёт распря в теле» (1 Кор. 12:25) церковном. В древней Церкви учил епископ с горнего места; теперь тот, кто сам о себе говорит, что он лишь «в притворе», даже только «около церковных стен», считает, однако же, себя в

праве учить всю Церковь вместе с иерархией. О церковных делах узнают и мнение о них составляют по явным враждебным Церкви «публичным листам» (как называл газеты митрополит Филарет), где по церковным вопросам пишут или расстриженные попы и всякого рода церковные ренегаты, или вообще, озлобленные и наглые ругатели (2 Пётр. 3:3), люди, никакого отношения к Церкви не имеющие.

Состояние печальное! Вот это-то печальное положение нашей современности и должно побуждать всякого, кому дорога вера и вечная жизнь, проверить основное заблуждение современного нам предрассудка, отделяющего христианство от Церкви. При руководстве Слова Божия и святоотеческих писаний следует во всей глубине продумать этот важный вопрос: возможно ли христианство без Церкви?

ЦЕРКОВЬ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА ЛИЦ В ТРОИЦЕ

Жизнь Христа Спасителя представляет для читающего св. Евангелие весьма много великих моментов, которые наполняют душу, именно, каким-то особым чувством великого. Но, может быть, то, именно, была величайшая минута в жизни всего человечества, когда Господь Иисус Христос во мраке южной ночи, под нависшими сводами зеленеющих деревьев, сквозь которые как бы само небо смотрело на грешную землю мерцающими яркими звёздами, в Своей первосвященнической молитве возгласил: *«Отче Святыи! Соблюди их во имя Твоё, тех, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как и Мы. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, – Как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, – так они да будут в Нас едино»* (Иоанн 17:11-35).

На эти слова Христа следует обратить особенное внимание. В них ясно определена сущность всего христианства: христианство не есть какое-либо отвлечённое учение, которое принимается умом и содержится каждым порознь. Нет, – *христианство есть общая жизнь*, в которой отдельные личности настолько объединяются между собой, что их единение можно уподобить единству Лиц Святой Троицы. Ведь Христос не мо-

лится о том только, чтобы сохранилось Его учение, чтобы оно распространилось по всей вселенной. Он молится о жизненном единстве всех верующих в Него. Христос молится Своему Небесному Отцу об устройении или, лучше сказать, о воссоздании на земле природного единства всего человечества. Человечество создано единым (Деян. 17:26).

«У людей,— пишет св. **Василий Великий**, — не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассёк естества». И «это главное в Спасительном домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство подобно тому, как наилучший врач целительными врачеваниями вновь связывает тело, расторгнутое на многие части».^[3]

Вот такое-то единение человеческих личностей — не апостолов только, но всех верующих во Христа по слову их — и образует Церковь. Среди земных предметов не нашлось ни одного, с которым можно было бы сравнить новое общество спасенных людей. На земле нет единства, с которым можно было бы сравнить единство церковное. Такое единство нашлось только на небе. На небе несравненная любовь Отца, Сына и Духа Святого соединяет три Лица в единое Существо, так что уже не три Бога, но Единый Бог, живущий триединой жизнью. К такой же любви, которая многих могла бы слить воедино, призваны и люди, о чём Христос и молился Небесному Отцу: *«Пусть любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет»* (Ин. 17: 26).

В приведённых словах Христа — истина Церкви поставлена в самую тесную связь с тайной Пресвятой Троицы. Люди, вступившие в Церковь и возлюбившие друг друга, подобны трём Лицам Пресвятой Троицы, любовь которых соединяет Их во единое Существо. Церковь есть как бы единосущее всех лиц, создаваемое их общей любовью друг к другу. Эту, именно, мысль в приведённых словах первосвященнической молитвы Христа Спасителя усматривают весьма многие из знаменитейших отцов и учителей Церкви: св. Киприан Карфагенский, св. Василий Великий, св. Григорий Нисский, Амвросий Медиоланский, Иларий Пиктавийский, Кирилл Александрийский, блаж. Августин и преп. Иоанн Кассиан. Позволим себе привести краткие суждения немногих из этого великого и славного сонма отцов.

Так ещё святой **Киприан Карфагенский** писал к Магну: Господь, внушая нам, что единство происходит от Божественной власти, утверждает и говорит: «*Я и Отец – одно*» (Иоанн. 10:30) и, направляя свою церковь к такому единству, прибавляет: «*и будет одно стадо и один Пастырь*» (Иоанн. 10:16).^[4] А в своём сочинении «О молитве Господней» он же говорит: «Не довольствуясь тем, что искупил нас Своею кровью, Он (Господь) ещё и просил за нас! А прося, – смотрите, – какое Он имел желание: да и мы пребываем в том самом единстве, в каком Отец и Сын едины суть».^[5]

А вот что пишет святитель **Кирилл Александрийский**: «В пример и образ нераздельной любви, согласия и единства, мыслимого в единости, Христос, взяв существенное единство, какое Отец имеет с Ним, а Он, со Своей стороны, с Отцом, – желает объединиться некоторым образом и нам друг с другом, очевидно, так же, как Святая и Единосущная Троица, так, что одним мыслится всё тело Церкви, восходящей во Христе через соитие и соединение двух народов в состав нового, совершенного. Образ Божественного единства и существенное торжество Святой Троицы, как и совершеннейшее взаимопроникновение, должно находить отражение в единении единомыслия и единости верующих». Святой Кирилл показывает и «природное единство, коим мы друг с другом и все с Богом связываемся, быть может, не без единства телесного».^[6]

Всё земное дело Христа поэтому следует рассматривать не как одно только учение. Христос приходил на землю вовсе не для того только, чтобы сообщить людям несколько новых истин; нет, Он приходил, чтобы создать совершенно *новую жизнь* человечества, т.е. Церковь (Мф. 16: 18). Это новое общество человеческое, по мысли Самого Создателя его, существенно отличается от всяких других соединений людей в разные общества. Христос Сам нередко Свою Церковь называл Царством Божиим и говорил, что Царство не от мира (Иоанн. 16: 27; 15: 19; 17: 14, 16; 18: 36), т.е. характер его не от мира, не мирской, оно не подобно царствам политическим, земным.

Мысль о Церкви как о новой совершенной общественности, в отличие от общественности, например, государственной, весьма глубоко и прекрасно выражена в кондаке на день Сошествия Св. Духа, когда Церковь именно вспоминает и празд-

нует своё начало. «Егда снишед языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва и согласно славим всесвятаго Духа». Здесь основание Церкви ставится в параллель со столпотворением Вавилонским и «смешением языков». Именно тогда, при столпотворении, Бог, снишед, языки смешал и разделил народы, Вышний.

Библейский рассказ о «*столпотворении Вавилонском*» имеет весьма глубокий смысл. Как раз перед этим рассказом Библия сообщает о первых успехах грешного человечества в области культуры и гражданского общежития; перед столпотворением, именно, начали люди создавать каменные города. И вот «сместил» Господь языки живущих на земле, так что они перестали понимать друг друга и рассеялись по земле (Быт. 11:4-8). В этом «столпотворении Вавилонском» дан как бы некоторый тип гражданской или государственной общности, основанной на одной только правде человеческой, на праве.

Наш русский философ **В. С. Соловьёв** так определил право. «Право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла».[6] . Но если принять даже и это определение права, оно, очевидно, всё же никогда не совпадает с христианской любовью. Право касается внешних отношений и проходит мимо существа. Общество, созданное на человеческом праве, никогда не сможет слить людей воедино. Единение разрушается себялюбием, эгоизмом, а право не уничтожает эгоизма; напротив, – только утверждает его, охраняя от покушений со стороны эгоизма других людей. Цель государства, основанного на праве, в том, чтобы создать по возможности такой порядок, при котором эгоизм каждого его члена находил бы себе удовлетворение, не нарушая в то же время интересов другого. Путь к созданию такого порядка может быть один – некоторое ограничение эгоизма отдельных членов общества. В этом неразрешимое противоречие права: оно утверждает эгоизм, но оно же и ограничивает его. А потому общество, основанное на человеческом праве, всегда носит в себе самом семена своего разложения, ибо оно охраняет эгоизм, который постоянно разъедает и разрушает всякое единение. Судьба башни Вавилонской – судьба правового общества; в этом обществе часто должно происходить «смешение языков», когда люди перестают понимать друг друга, хотя и разго-

варивают на одном языке. Правовой порядок нередко сменяется ужасным беспорядком.

Такому-то правовому, чисто земному обществу и противопоставляется общество христианское – Церковь. *«Егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва»*. Христос создаёт Церковь не для охранения человеческого себялюбия, а для полного его уничтожения. В основу церковного единения положены не охраняющие личный эгоизм правовые начала, а любовь, противоположная эгоизму. В Своей прощальной беседе Христос говорил ученикам: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга; по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Иоанн. 13:35-34). Вот это-то новое основание церковного единения и создаёт не механическое внешнее объединение временно раздробленных личностей, а единение органическое.

Сам Христос уподобляет церковное единство органическому единению **дерева** и его ветвей (Иоанн. 15:1-2). Но особенно подробно об органическом неделимом единстве Церкви говорит ап. Павел. Сравнение Церкви с деревом есть у ап. Павла (Рим. XI, 17-24), но наиболее часто ап. Павел называет Церковь **«телом»**^[7]. Уже самое название Церкви *телом* указывает на её единство; два тела между собой связаны быть не могут. Но что значит образ «тела», прилагаемый к Церкви? Образ «тела» в приложении к Церкви прекрасно раскрывает сам же ап. Павел. Многие, т.е. все, входящие в Церковь, составляют одно тело во Христе, а порознь один для другого – члены (Рим. 12:5; 1 Кор. 12: 27). Тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело. Тело не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели, она потому не принадлежит к телу? Если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели, оно потому не принадлежит к телу? Бог расположил члены, каждый в теле, как Ему было угодно (1 Кор. 12:12-18). Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело (Рим. 12:4). Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или так же голова ногам: вы мне не нужны. Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее почтение, дабы не было деления в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Почему

страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12:21, 24-26, 28. Сравн. Рим. 12:6-9).

ДУХОВНЫЕ СИЛЫ К ЕДИНЕНИЮ

Но как возможно осуществление такого единения людей в Церкви, в церковной общественности? Ведь естественное греховное состояние человека более соответствует созданию только правового общества, потому что грех и есть самоутверждение или себялюбие, которое охраняется гражданским правом. Действительно, для человека, пока он будет охранять своё греховное состояние, совершенное единение будет пустой мечтой, которой не суждено осуществиться в действительности. Но здесь всё, именно, и разрешается истиной Церковью. Христос не учил только о единстве, о Церкви, но *создал* Церковь. Христос дал заповедь: любите друг друга, но одной этой заповеди совершенно недостаточно. Эта заповедь, как всякая другая заповедь, сама собою ничего создать не может, если нет у человека сил для её осуществления. И если бы христианство ограничивалось только одним *учением о любви*, оно было бы бесполезно, потому что в наличной человеческой природе, искажённой грехом, нет сил для проведения в жизнь этого учения. О любви говорил и Ветхий Завет, и даже язычники, но этого мало.

Разум признаёт, что заповедь любви хороша, но человек постоянно встречает в самом себе иной закон, противоречащий закону ума и пленяющий его закону греховному (Рим. 7:22-25). Чтобы быть хорошим человеком, вовсе недостаточно лишь различать, что хорошо и что плохо. Разве мы сомневаемся, что грешить дурно? Почему же мы все же грешим, зная это? Потому что одно дело – знать, а другое дело – жить. Кто наблюдает за движениями души своей, тот хорошо знает, как грехи и страсти борются с разумом и как часто они его побеждают. Разум гнётся под напором страстей; грех, как туман, закрывает от нас солнце истины, связывая все добрые силы нашей души. Сознательная сила греха душа всегда готова сказать вместе с царём Манассией: *«Связана я многими узами железными так, что не могу поднять головы»*. Может ли нам, в таком печальном состоянии, помочь одно только учение о любви?

Но в том-то сила и значение дела Христова, что оно не ограничивается одним только учением. Человечеству даны *новые силы*, а потому и становится для него возможным новое церковное единение. Эти силы даны, прежде всего для того чтобы, в воплощении Сына Божия, человечество теснейшим образом соединилось с Богом. В Церкви и продолжается всегда и неизменно единение человека со Христом. Это единение – источник духовной жизни, а без единения со Христом – духовная смерть. В чём же это единение? Христос говорил: *«Я – хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне»* (Иоанн. 6:51-56).

Таинство Причащения – вот где единение со Христом и, следовательно, источник духовной жизни. Таинство Причащения соединяет людей с Богом и тем самым, объединяет их друг с другом. Вот почему Причащение, по преимуществу, есть источник, именно *церковной* жизни. Смысл Таинства Причащения – в его церковности. Вне единства церковного нет и Причащения. Весьма знаменательно, что в святоотеческой письменности единство церковное поставлено в неразрывную связь с таинством Тела и Крови Христовых.

Уже святой **Игнатий Богоносец** пишет филиладельфийцам: «Старайтесь иметь одну Евхаристию, ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша во единение Крови Его, один жертвенник» (гл. 4). Тот же св. Игнатий подчёркивает и церковность Евхаристии: «Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви. Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это. Где будет епископ, там должен быть и народ, так же как: где Иисус Христос, там и кафолическая церковь» (К смирнянам, гл. 8). «Многие зёрна, – пишет св. **Киприан Карфагенский**, – вместе собранные, смолотые и замешанные, образуют один хлеб; так во Христе, Который есть небесный хлеб, мы видим одно тело, в котором связано и соединено наше множество».^[8]

Святоотеческое учение о церковности Евхаристии и о её значении для спасения особенно глубоко и подробно раскрыто свят. **Кириллом Александрийским**, слова которого мы и приведём. «Единородный определил некоторый изысканный, с подобающею Ему премудростью и советом Отца, способ к тому, чтобы и сами мы сходились и смешивались в единство с Богом и друг с другом, хотя и отделяясь каждый от другого душами и телами в особую личность, – именно такой способ: в одном теле, очевидно, Своём собственном, благословляя верующих в Него посредством таинственного причастия (Евхаристии) делает их сотелесными как Ему Самому, так и друг другу. Кто, в самом деле, мог бы разделить и от природного единения друг с другом отторгнуть тех, кто посредством одного святого тела связан в единство с Христом? Ведь если *«все от одного хлеба приобщаемся» то все одно тело составляем* (1 Кор. 10:17), ибо Христос не может быть разделяем. Поэтому и телом Христовым называется Церковь, а мы – отдельные члены, по пониманию ап. Павла (1 Кор. 12:27). Все мы через святое Тело соединялись с одним Христом как получившие Его единого и нераздельного в своих телах, Ему более, чем самим себе, должны мы считать принадлежащими свои члены».^[9]

«Не по одному только настроению, состоящему в душевном расположении, будет пребывать в нас Христос, как говорит Он (Иоанн 6:56), но и по причастию, конечно, природному. Как если кто, соединив один воск с другим и расплавив на огне, делает из обоих нечто единое, так через приобщение Тела Христова и Честной Крови Он Сам в нас и мы, со своей стороны, в Нём соединяемся. Ведь иначе было бы невозможно, чтобы подвергшееся тленью стало способным к оживотворению, если бы оно не сочеталось телесно с телом Того, Кто есть жизнь по природе, то есть Единородного».^[10]

Таким образом, по учению Христа и по благовествованию святых отцов, истинная жизнь возможна лишь при тесном природном или, как говорят, **реальном единении со Христом в таинстве Евхаристии**, но это единение со Христом создаёт и единение людей друг с другом, то есть создаётся единое тело Церкви. Следовательно, христианская жизнь по самому существу церковна.

ДУХ СВЯТОЙ ВЕДЕТ К ЕДИНСТВУ

Есть ещё один источник новой жизни человечества, именно жизни церковной - Дух Святой. Сам Христос говорил, что кто не родился водою и Духом, не может войти в Царствие Божие (Иоанн 3:3), – нужно быть рождённым от Духа (Иоанн 3:6-8). И когда ап. Павел говорит об единении людей в Церкви, он всегда говорит о Духе Святом как об источнике этого единения.

Церковь для Апостола не только «единое тело,» но и «един Дух».^[11] И здесь понимается не единомыслие только, но и единый Дух Божий, проникающий всё тело, как и свидетельствуют святые отцы и учителя Церкви. «Что такое единение Духа?» – спрашивает св. **Иоанн Златоуст** и отвечает: – «Как в теле дух всё объёмлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящих от различия членов телесных, так и здесь. Но дух дан ещё и для того, чтобы объединять людей, неодинаковых между собою по происхождению и по образу мыслей».^[12] Этими словами (един Дух) он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили из одного источника, то между вами не должно быть раздоров».^[13] Блаж. Феодорит: «Все вы сподобились единой благодати; единый источник разливает различные потоки . Единый приняли Дух, одно составляете тело».^[14] Блаж. Иероним: «Одно тело в смысле тела Христова, которое есть Церковь; и один Дух Святой – один, именно, раздаятель и освятитель всех».^[15] Блаж. Феофилакт Болгарский: «Как в теле дух есть начало, всё связывающее и объединяющее, хотя члены различны, – так и в верующих есть Дух Святой, который объединяет всех, хотя мы разнимся друг от друга родом, нравами и занятиями».^[16]

По мысли Апостола, вся жизнь церковная есть проявление любви, всякая добродетель есть действие дарования Духа. Всё производит один и тот же Дух. Люди, по выражению ап. Петра, лишь строители многообразной благодати (1 Пётр. 4:10). Дух Божий, проникающий собою всё тело Церкви, подающий всем членам этого тела различные духовные дарования, и делает возможной для человечества новую жизнь. Он-то и соединяет всех в одно тело и соединяет именно тем, что вливает в сердце любовь, которая в естественном состоянии человека не может быть основой его жизни и его отношений к другим людям.

Любовь от Бога, это изречение ап. Иоанна (Иоанн. 6:7), можно назвать как бы общей темой целого ряда апостольских рассуждений. Любовь называется Божией.^[17] Любовь Христа объемлет членов Церкви (2 Кор. 5:14). *Господь* направляет сердца всех в любовь Божию (2 Сол. 3:5). Любовь Божия излита в сердца наши Духом Святым, данным нам (Рим. 5:5). Любовь – плоть Духа (Гал. 5: 22). Бог спас нас обновлением Духа Святого, которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего (Тит. 3: 5-6). Христиан водит Дух Божий (Рим. 8:14).

Таким образом, живущий в Церкви Дух Святой даёт каждому члену силы быть новой тварью и в жизни своей руководствоваться любовью. Учение ап. Павла о Церкви неразрывно связано с его учением о любви, как началом христианской жизни. Эта связь мало замечается современными учёными-толкователями, но её указывают святые отцы Церкви. Так блаж. Феодорит об апостольском сравнении Церкви с телом говорит: «Употребление это прилично учению о любви».^[18] И св. **Иоанн Златоуст**, толкуя слова «едино тело», говорит: «Павел требует от нас такой любви, которая бы связала нас между собой, делая неразлучными друг от друга, и такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро».^[19] Читая послания ап. Павла, можно заметить, что о Церкви и любви он говорит обыкновенно рядом, и это, конечно, потому, что, по учению Апостола, Церковь и любовь связаны между собою. Вся христианская добродетель у Апостола зиждется на истине Церкви. Так в последних главах послания к римлянам Апостол подробно говорит о христианской нравственности. Эта речь начинается с 9-го стиха 12-ой главы, а в пяти предыдущих (4-8) стихах Апостол кратко изложил учение о Церкви, сказанное в 12 главе, а затем непосредственно следует «новозаветная песнь любви» (12:31; 13:13). Нечто подобное можно заметить и в посланиях к ефесянам и к колоссянам.

ХРИСТИАНЕ – НОВОЕ ТВОРЕНИЕ

Что же следует из всего сказанного? Дело Христа не есть только одно учение. Его дело есть создание единства в роде человеческом. Дело Христово есть создание «новой твари», т.е.

Церкви. В Церкви живущий Дух Божий даёт силы для осуществления христианского учения в жизни, а так как это есть учение о любви, то осуществление его опять-таки создаёт единство, ибо любовь – начало связующее, а не разъединяющее. Возрастание Церкви есть в то же время и возрастание её отдельных членов.

Новозаветные Писания указывают нам, что цель бытия Церкви состоит в духовном руководстве для совершенствования человека. Духовные дарования и все вообще служения существуют в Церкви, по мнению ап. Павла, «для совершения святых» то есть нравственного возрождения христиан (Ефес. 4:12), доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Ефес. 4:13). А затем Апостол изображает и тот путь, которым возрождённое человечество достигает в меру полного возраста Христова: *«из Которого всё тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких, взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви»* (Ефес. 4:16).

Не входя в подробный разбор греческого текста^[20], мы скажем только, какую мысль хочет выразить Апостол.^[21] Всё тело Церкви постоянно более и более объединяется посредством восприятия благодатных даров Св. Духа, действующих в каждом особым образом, и так тело Церкви достигает совершенства во всех своих членах. Всевозрастание церковного тела обуславливается причастием отдельных членов общей любви, потому что только при любви, при союзе с Церковью возможно самое восприятие даров Св. Духа. Так понимают приведённые слова св. Апостола св. Иоанн Златоуст^[22], блаж. Феодорит^[23], преп. Иоанн Домаскин^[24] и блаж. Феофилакт^[25]. Преосв. **Феофан Затворник**, слова которого мы и приведём. «Вера христианская соединяет верных со Христом и, таким образом, из всех составляет единое тело стройное. Христос творит сие тело, каждому сообщая Себя и Духа благодати, ему подавая действительно, осязательно, так, что сей Дух благодати, сходя на каждого, делает его тем, чем ему следует быть в теле Церкви Христовой. Тело Христово, стройно сочетаясь таким подаянием Духа, растёт в себе по той мере, в какой каждый член отвечает своему назначению или действует во благо Церкви всею полнотой полученного дара благодати»^[26].

Из приведённого учения ап. Павла видно, что, по новозаветному учению, совершенствование человеческой личности обуславливается его **принадлежностью к Церкви** как живому, возрастающему при благодатном воздействии Св. Духа организму. Если будет порвана связь с телом Церкви, то отдельная личность, обособившись и замкнувшись в своём себялюбии, лишена будет благодатного воздействия Св. Духа, живущего в Церкви.

«В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, истекающий из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдёт её там, то и не сообщается ей. То-же бывает и здесь, если мы не связаны между собой любовью. Итак, если мы хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой – когда осмеливаемся совершать что-нибудь недостойное по отношению к этому телу Церкви. В том и в другом случае мы отделяемся от целого».^[27] Ясно, что св. **Иоанн Златоуст** всякое отделение от Церкви считает лишением благодати Духа Святого. «Всё, что только отделилось от жизненного начала, не может, с потерей спасительной сущности, жить и дышать особой жизнью».^[28] «Отдели солнечный луч от его начала – единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева – отломленное потеряет способность расти; разобщи ручей с его источником – разобщённое иссякнет. Церковь, озарённая светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои; но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остаётся нераздельным. По всей земле распространяет она ветви свои, обременённые плодами; обильные потоки её текут на далёкое пространство; при всём том глава остаётся одна, одно начало, одна мать, богатая преуспеянием плодотворения».^[29] В этих одушевлённых и нежно-поэтических словах ясно выражена мысль, что отдельная личность, даже отдельная христианская община постольку жива, поскольку она живёт Христовой жизнью, поскольку она соединена со всей вселенской Церковью. Обособиться, замкнуться в себя – это для личности или даже для Поместной церкви то же, что для луча отделиться от солнца, для ручья – от источника, для ветви – от ствола. Жизнь духовная может быть только при органической связи со вселенской Церковью; порвётся эта связь – непременно иссякнет и жизнь христианская.

Надеемся, достаточно показано, что идея Церкви в новозаветном учении имеет весьма существенное значение. Христианство имеет в виду не интересы одного рассудка; оно учит только о спасении человека. Поэтому в христианстве нет чисто теоретических положений. Истины догматические имеют нравственное значение, а христианская мораль основана на догматах. Но именно Церковь и есть тот самый пункт, в котором вероучение переходит в нравоучение, христианская догматика переходит в христианскую жизнь. Церковь даёт жизнь и осуществление христианскому учению. **Вне Церкви и без Церкви невозможна христианская жизнь.** Только в Церкви может жить, развиваться и спасаться человек, как и во всяком другом организме отдельные члены никогда не растут и не развиваются отдельно друг от друга, а всегда только в неразрывной связи со всем организмом. **Без Церкви нет христианства;** остаётся только христианское учение, которое само собою не может «**обновить падшего Адама**».

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА В АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

Если теперь от раскрытия новозаветного учения о Церкви обратимся к первоначальной истории христианства, то увидим, что именно идея Церкви была основной идеей христианского мировоззрения, и она именно создала действительность. Христиане сознали себя, прежде всего, Церковью, и общество христианское, предпочтительно пред всеми другими названиями, именовало себя Церковью. Слово Церковь уже в Новом Завете встречается 110 раз. Слова же «христианство», как и многих других слов на «-ство», Новый Завет не знает. После сошествия Духа Святого на учеников и апостолов Христовых получила бытие Церковь как видимое общество с духовными взаимными отношениями, составляющих его членов. Ведь сначала не было никакой подробной схемы учения. Вера Христова заключена была в немногих самых общих положениях. Нечему было *учиться* в христианстве. Мало требовалось согласия в каких-либо теоретических положениях.

Что же значило в то время быть христианином? В наше время на этот вопрос можно услышать много разных ответов, при-

мерно таких: быть христианином – значит признавать учение Христово, стараться исполнять Его заповеди. Это, конечно, ещё наилучший ответ. Но первохристианство отвечало на этот вопрос совершенно иначе. Уже с самых первых страниц своей истории христианство является перед нами в виде единомышленной и единокорпусной общины. Вне связи с этой общиной не было христиан. Уверовать во Христа, сделаться христианином, это значило *присоединиться к Церкви*, как это неоднократно выражено в книге Деяний апостольских, где читаем: «*Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви*» (2:47, 5:13-14). Всякий новый верующий был как бы веткой, прививавшейся к единому дереву церковной жизни.

А вот наиболее характерный пример, как бы иллюстрация такого именно присоединения к Церкви. Гонитель Савл, дышавший прещением и буйством на учеников Господних, на пути в Дамаск чудесным образом делается Христовым последователем. Здесь перед нами особое откровение Бога человеку. Однако в Дамаске Господь посылает к Савлу Ананию, который и крестил его, после чего Савл несколько дней был в Дамаске с учениками; затем Савл, прибывши в Иерусалим, старается присоединиться к ученикам и после того, как Варнава сообщает о нём Апостолам, он пребывает с ними. Таким образом, даже и будущий великий Апостол, которого ещё в видении Анании Господь называет избранным сосудом (Деян. 9:15), непосредственно за своим обращением присоединяется к Церкви как к видимому обществу. Здесь особенно наглядно показано, что Господь не хочет знать рабов Своих вне Церкви.^[30]

Понятно почему св. ап. Павел так настойчиво в своих посланиях говорит о Церкви: он не создаёт учения о Церкви, а ещё при самом своём обращении он встретился с Церковью, как с фактом. Даже и до обращения своего Савл знал именно Церковь, а не что-либо иное. Он сам вспоминает впоследствии: «*Вы слышали о моём прежнем образе жизни в иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал её*» (Гал. 1:13). Савл гнал не последователей какого-либо учения, но именно – Церковь, как величину, определённую даже и для «внешних». У множества верующих – читаем в книге «Деяний Апостольских» – было одно сердце и одна душа (4:32). И весьма замечательно, что в 4-м веке, при раскрытии учения о Святой Троице, некоторые святые отцы указывали в качестве примера именно на

первохристианскую Церковь, где множество было единством.

А насколько первохристианская община была резко определённа, об этом прекрасно говорит один стих книги Деяний, которого как-то не замечают: *«Из всех посторонних никто не смел пристать к ним»* (5:13).

Таким образом, с одной стороны, обращение в христианство мыслится как присоединение к Церкви, а с другой – *«из посторонних никто не смел войти к ним»*. Разве, не ясно, что в самое первое время, когда живы были непосредственные ученики Господа, христианство было, именно, видимым обществом – Церковью, оно не было только учением, а было самой жизнью? Церковное по самому существу христианство и в действительности было всегда, именно, Церковью, т.е. видимым обществом, имеющим свою определённую организацию. Господу было угодно дать Своей Церкви именно иерархическую организацию. Иерархический строй Церкви создан ещё святыми апостолами.^[31]

Протестантская наука много спорит против этой церковной истины, но для оспаривания апостольского происхождения иерархии протестантам приходится отрицать подлинность пастьерских Посланий апостола Павла, т.е. подрывать авторитет Священного Писания, и тем самым рубить тот сук, на котором держится само же протестантство. Достаточно прочитать книгу Деяний апостольских и послания ап. Павла к Тимофею и Титу, чтобы убедиться именно в апостольском учреждении иерархии в Церкви. Павел и Варнава при самом основании церквей рукополагали в каждой церкви пресвитеров (Деян. 14:23). Титу ап. Павел заповедует поставить по всем городам пресвитеров (Тит. 1:5). Дух Святой поставил епископов пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрёл Себе кровью Своею (Деян. 20:28).

Вот почему ещё в первом веке (около 97 года) римский **епископ Климент** в особом послании к коринфянам доказывает необходимость повиновения иерархии тем, что иерархия в Церкви навеки установлена самими апостолами. Между прочим, Климент пишет: «Апостолы благовествовали нам от Господа Иисуса Христа; Иисус Христос был послан от Бога. Итак, Христос – от Бога, а апостолы – от Христа, – и то, и

другое было в порядке по воле Божией. Принявши повеление, апостолы, совершенно убеждённые воскресением Господа нашего Иисуса Христа и утверждённые в вере словом Божиим, с полнотою Святого Духа вышли, благовествуя наступающее Царство Божие. Проповедуя по городам и сёлам, они поставляли первенцев их, по испытании их духом, епископами и диаконами для будущих верующих» (гл. 42). «Апостолы наши знали через Господа, что будет раздор об епископском достоинстве. По этой самой причине они, получивши совершенное предвидение, поставили вышеназванных и издали закон, чтобы, когда они починут, другие испытанные мужи приняли их служение» (гл. 44).

Всего через два десятилетия св. священномученик **Игнатий Богоносец** по пути в Рим на страдания пишет послания к различным церквам и повсюду убеждает покоряться иерархии. «Ничего не делайте без епископов и пресвитеров. Не думайте, чтобы вышло что-либо похвальное у вас, если будете это делать сами по себе», – пишет св. Игнатий магнезийцам (гл. 7:2). «Делющий что-либо без ведома епископа служит дьяволу», – пишет он смирянам (гл. 9:1). «Кто будет почитать себя больше епископа, тот пропал совершенно», – пишет св. Игнатий ученику своему Поликарпу, епископу Смирнскому (гл. 5:2). Без иерархии, по учению св. Игнатия, нет Церкви (посл. к траллийцам, гл. 3:1). «Которые суть Божии и Иисус Христовы, те с епископом», – читаем в послании к филладельфийцам (гл. 3:2).

Совершенно ясно видно, как Церковь с самого начала мыслила себя иерархически устроенной и на иерархию смотрела как на **богоустановленный орган** своего управления. Деятельность этого органа выражалась в совершении благодатных священнодействий, в учении веры, в церковной дисциплине. Церковная жизнь в разные века бывает различна. Изменяется и деятельность иерархии, но принцип иерархического устройства Церкви остаётся всегда одним и неизменным.

Наконец, думается, мы сделали бы большое упущение, если бы не привели хоть некоторых суждений древнецерковных писателей по интересующему нас вопросу: возможно ли христианство без Церкви? Остановимся на взглядах только двух писателей, много трудившихся над уяснениями учения о Церкви: св. Киприана Карфагенского и блаж. Августина.

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ЗНАЧИТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЦЕРКВИ

По суждению **св. Киприана**, быть христианином – значит принадлежать к видимой Церкви и подчиняться поставленной в ней от Бога иерархии. Церковь есть осуществление любви Христовой, и всякое отделение от Церкви есть именно нарушение любви. Против любви грешат равно и еретики, и раскольники. Это и есть основная мысль Киприанова трактата «О единстве Церкви;» та же мысль постоянно повторяется и в письмах св. отца. «Христос даровал нам мир; Он повелел нам быть согласными и единомышленными; заповедовал ненарушимо и твёрдо хранить союз привязанности и любви. Не будет принадлежать Христу тот, кто вероломным несогласием нарушил любовь Христову: не имеющий любви и Бога не имеет. Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единомышленными в Церкви Божией».^[32]

У еретиков и раскольников нет любви, т.е. основной христианской добродетели, а потому они христиане только по имени. «Еретик или раскольник не сохраняет ни единства Церкви, ни братской любви»^[33], «действует против любви Христовой».^[34] «Маркиан, соединившись с Новатианом, сделался противником милосердия и любви».^[35] «Об еретиках известно, что они отступили от любви и единства католической Церкви».^[36] «Какое соблюдает единство, какую любовь хранит или о какой любви помышляет тот, кто, предавшись порывам раздора, рассекает Церковь, разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет таинство?»^[37]

Св. Киприан высказывает даже такую мысль: вне Церкви не может быть и учения христианского, не только христианской жизни. Только в Церкви есть чистая вера.^[38] Церковь Киприан называет «истиной».^[39] Единство веры нельзя отделять от единства Церкви.^[40] Истина одна, как и одна Церковь.^[41] Тому, кто не придерживается единства Церкви, нельзя думать, что он сохраняет веру.^[42] Всякое отделение от Церкви непременно связано бывает и с искажением веры. «Враг изобрёл ереси и расколы, чтобы ниспровергнуть веру, извратить истину, расторгнуть единство. Служители его возвещают вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа, и, прикрывают ложь правдоподобием, чтобы тонкой хитростью уничтожить

истину».^[43] «Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его Евангелия и веры». ^[44]» Еретик рассекает Церковь»^[45], «он вооружается против Церкви, изменник в отношении веры, в отношении благочестия – святотатец, непокорный раб, сын незаконный, брат неприязненный». ^[46] «Если рассмотреть веру тех, которые веруют вне Церкви, то окажется, что у всех еретиков совсем иная вера; даже, собственно говоря, у них одно изуверство, богохульство и прение, враждующие против святости и истины». ^[47] Быть вне Церкви и оставаться христианином, по убеждению св. Киприана, невозможно. Вне Церкви – вне стана Христова.^[48] Отступившие от Церкви и действующие против Церкви – антихристы и язычники.^[49] Вот, например, что пишет св. Киприан Антониану о Новатиане: «Ты желал, возлюбленнейший брат, чтобы я написал тебе и касательно Новатиана, какую ересь он вёл. Знай же, что прежде всего мы не должны любопытствовать, чему от учит, когда он учит вне Церкви. Кто бы и какой бы он ни был, он не христианин, как скоро он не в Церкви Христа». ^[50] «Как может быть со Христом тот, кто не пребывает с невестой Христовой, не находится в Церкви Его». ^[51] Наконец в трактате «О единстве Церкви» читаем мы знаменитые слова: «Тот, кто не может уже иметь отцом Бога, тот не имеет матерью Церковь». ^[52] Св. Киприан совершенно отказывает всем стоящим вне Церкви в названии «христиан», как бы повторяя решительное восклицание своего учителя Тертуллиана: «Еретики не могут быть христианами!»

Понятно поэтому требование св. Киприана при приёме в Церковь снова крестить даже новатиан, хотя они были только раскольниками. Для Киприана крещение раскольников при приёме в Церковь не было переkreщиванием, но было именно крещением. «Мы утверждаем, – писал св. Киприан Квинту, – что приходящих оттуда мы у себя не переkreщиваем, но крестим (*non rebaptizari apud nos sed baptizari*); ибо они ничего не получают там, где нет ничего». ^[53] Крещение вне Церкви только «пустое и нечистое погружение (*sordida et rpotana tinctio*)». ^[54]» Там не оmyваются люди, а только более оскверняются; не очищаются грехи, а только усугубляются. Такое рождение производит чад не Богу, но диаволу». ^[55]

Мысль Киприана о недействительности всякого крещения

вне Церкви и о необходимости снова крестить всех обращающихся к Церкви была подтверждена в 256 году Поместным собором Карфагенской церкви, на котором председательствовал сам Киприан. В своём заключительном слове, как бы подводя итог всем церковным рассуждениям, св. Киприан говорит: «Еретиков должно крестить единственным крещением в Церкви, чтобы они могли из противников сделаться друзьями и из антихристов – христианами».^[56]

Изложенные воззрения св. Киприана, которые, очевидно, разделял весь Карфагенский собор, наглядно и весьма определённо свидетельствуют о том, что в третьем веке не допускали даже и мысли о том, будто возможно какое-то христианство без Церкви. Тогда ясно учили и определённо говорили, что отступивший от Церкви уже не христианин и лишён благодати Св. Духа, почему он и лишён надежды на спасение.

Эту же мысль ясно выразил и **св. Василий Великий** в своём послании к епископу Амфилохию. Св. Василий говорит, что отступившие от Церкви и через *раскол* уже не имеют на себе благодати Святого Духа. Вне Церкви нет священства и не может быть преподана благодать Св. Духа. Эти мысли св. Василия Христова Церковь на Шестом вселенском соборе (правилом 2) и на Седьмом (правилом 1) утвердила, как непреложную истину. Послание св. Василия к Амфилохию было признано каноническим, почему и доселе помещается в Книге правил.

Блаж. Августин признаёт, что учение христианское, понимаемое теоретически, может быть сохранено и вне Церкви. Истина остаётся истиной, хотя бы её высказал и злой человек. Ведь и демоны исповедовали Христа так же, как и ап. Пётр.^[57] Золото, несомненно, хорошо, и золотом оно остаётся у разбойников, хотя и служит у них дурным целям.^[58] Христос сказал однажды ученикам: «*Кто не против вас, тот за вас*» (Лук. 9:49-50). Из этого можно видеть, что стоящий вне Церкви в некоторых предметах не против Церкви и имеет нечто из церковного богатства.^[59] Афиняне чтити неведомого Бога (Деян. 17:23), а ап. Иаков свидетельствует, что и бесы веруют (Иак. 2:19), а они, конечно, вне Церкви.^[60] В своих сочинениях против донатистов блаж. Августин подробно доказывает и обосновывает как бы действительность раскольнического крещения.

Но если и вне Церкви можно сохранить истинное учение, если даже таинства, совершаемые в отделении от Церкви, действительны, то нужна ли непременно Церковь? Невозможно ли спасение и вне Церкви? Не отделяет ли блаж. Августин христианство от Церкви? Не допускает ли он возможности христианства без Церкви? На эти вопросы у блаж. Августина даётся отрицательный ответ. Христианскую жизнь, приводящую ко спасению, блаж. Августин приписывает только Церкви, а вне Церкви этой жизни быть не может.

Всё то, что отделившиеся от Церкви сохраняют из церковного богатства, всё это не приносит им ровно никакой пользы, а только один вред.^[61] Почему же так? А потому, – отвечает блаж. Августин, – все отделившиеся от Церкви не имеют любви. Христос указал признак, по которому можно узнать Его учеников. Этот признак – не учение христианское, не таинство даже, а любовь только. Поэтому, – говорил Он ученикам Своим, – «узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 14:35). Таинства не спасут, если у принимающего их нет любви. Апостол говорит: «Если я знаю все тайны (*sacramenta*) и не имею любви, я – ничто» (Кор. 13:1-3).^[62] Пророчествовал и Каиафа, но был осуждён.^[63] Самое отделение от Церкви есть величайший грех, который и показывает, что у раскольников нет любви.^[64] Возрождённый в крещении, но не соединившийся с Церковью, не получает от крещения пользы, потому что он любви не имеет; – спасительным начинает быть для него крещение только тогда, когда он соединился с Церковью.^[65] Благодать крещения не может очистить от грехов того, кто не принадлежит к Церкви; её действие как бы парализуется **упорством** расколистического сердца во зле, т.е. в расколе.^[66] То, что прощённые грехи возвращаются к человеку, находящемуся в схизме, это наглядно показал Господь в притче, в которой господин простил рабу десять тысяч талантов. Когда тот раб не сжалился над своим товарищем, который был должен ему лишь сто динариев, то господин приказал отдать всё, что раб был ему должен. Как тот раб лишь на время получил прощение своего долга, так и крестящийся вне Церкви тоже только на время освобождается от своих грехов, так как и после крещения он остаётся вне Церкви.^[67]

Не потому схизматики лишены надежды на спасение, что их крещение не действительно, а только потому, что они вне

Церкви и во вражде к ней.^[68] Благодать Св. Духа получить и сохранить может только тот, кто соединён в любви с Церковью.^[69] Кто отделился от Церкви, у того нет любви. Нет любви Божией у того, кто не любит единства Церкви^[70], – напрасно он говорит, будто имеет Христову любовь.^[71] Любовь может быть сохранена только при единстве с Церковью^[72], потому что Дух Святой оживляет только тело Церкви.^[73] Никакой законной и достаточной причины отделяться от Церкви быть не может; кто отделился от Церкви, тот не имеет Духа Святого^[74], как и отсечённый от тела член не имеет духа жизни, хоть и сохраняет некоторое время свою прежнюю форму.^[75] Поэтому все отделившиеся от Церкви, пока противятся ей, добрыми быть не могут; хотя бы их поведение и казалось похвальным, – самое их отделение делает их злыми.^[76]

Таким образом, по учению блаж. Августина, Церковь – понятие более узкое, нежели христианство, понимаемое в смысле одних только теоретических положений. Оставаясь вне Церкви, можно быть в согласии с этими теоретическими положениями; для единения же с Церковью необходимо, кроме того, согласие воли (*consensio voluntatum*).^[77] Но очевидно, что без этого последнего лишь теоретическое согласие с христианским учением совершенно бесполезно, и вне Церкви нет спасения. В жизни христианство совершенно совпадает с Церковью.

Взгляды св. Киприана и блаж. Августина, по-видимому, несколько различны, но к выводу они оба приходят совершенно к одному: *extra ecclesiam nulla salus* – вне Церкви нет спасения! Спасает людей их любовь, которая есть благодать Нового Завета.^[78] Вне Церкви сохранить любовь нельзя^[79], потому что там нельзя получить и Духа Святого.^[80]

Итак, что же мы нашли у представителей церковной мысли 3-5 веков? Нашли мы совершенно то же самое, к чему пришли и раньше, рассматривая новозаветное учение о Церкви и факты начальной истории христианства. Христианство и Церковь не совпадают друг с другом только тогда, когда под христианством мы будем понимать сумму каких-то теоретических положений, ни к чему никого не обязывающих. Но такое понимание христианства можно назвать только бесовским. Христианами тогда следует признать и бесов, которые тоже веруют и от этого только трепещут. Знать систему христианской догматики,

соглашаться с догмами – это еще не значит быть истинным христианином. Раб, знающий волю господина своего и не исполняющий её, бит будет много и, конечно, справедливо. «Христианство не в молчаливом убеждении, но в величии дела», как говорит святой Игнатий Богоносец.^[81] Теряет надежду на спасение не тот только, кто искажает основные истины христианства, – этой надежды лишён всякий вообще отделяющийся от Церкви, от общей жизни одного цельного организма тела Христова. Отпал человек от Церкви или отлучён от неё, – он погиб, он умер для Бога и вечности. Ещё св. Игнатия Богоносец писал филиладельфийцам: «Кто следует за вводящим раскол, тот не наследует Царства Божия» (гл. 3).

Нет, Христос не есть только великий учитель; Он – спаситель мира, давший человечеству новые силы, обновивший человечество. Не учение только имеем мы от Христа, Спасителя нашего, а жизнь. Если же понять христианство как новую жизнь не по стихиям мира, которому известны только принципы эгоизма и себялюбия, а по Христу, с Его учением и образцом самоотречения и любви, то христианство совершенно и необходимо совпадёт с Церковью. Быть христианином – значит принадлежать к Церкви, ибо христианство есть именно в Церкви, и вне Церкви христианской жизни и нет и быть не может.

ХРИСТИАНСТВО НЕОТДЕЛИМО ОТ ЦЕРКВИ

Наконец, достаточно только внимательно посмотреть на Символ веры, чтобы понять, насколько важна идея Церкви. Ведь в Символе веры все почти члены внесены уже после того, как появились различные еретики, искажавшие ту или иную истину. Посему весь Символ веры можно назвать как бы полемическим. История его показывает, как в борьбе с теми или иными ересями пополнялось его содержание. Совсем не то с девятым членом о Церкви. С самого начала этот член находился в Символе веры, куда внесён даже независимо от появления каких бы то ни было лжеучений. Ведь тогда не было ещё протестантов и сектантов, мечтающих о каком-то бесцерковном христианстве. Ясно, что мысль о Церкви уже с самого начала лежала во главе христианских верований. С самого начала христиане составляли Церковь и веровали в её спасительность,

и ту истину, что христианство неотделимо от Церкви, мы можем считать данной от Самого Господа Иисуса Христа.

Итак, мы должны признать истину: христианство от Церкви совершенно неотделимо и без Церкви христианство невозможно. Необходимость признания этой истины станет особенно очевидной для нас, если мы сравним её с противоположным ей заблуждением, если мы посмотрим, к чему приводит отделение христианства от Церкви.

На самом деле противопоставление Евангелия Церкви и замена Церкви неопределённым понятием христианства приносит самые плачевные результаты. Жизнь христианская иссякает, оказывается только ещё одно учение в бесконечном ряду учений древних и новых, при этом учение весьма неопределённое, ибо без Церкви открывается возможность несчётного множества его пониманий самых произвольных и даже друг другу противоречащих. В этом отношении христианство находится в худшем положении, чем видные философские школы. В самом деле, основатели философских школ оставили после себя книги своих сочинений, оставили более или менее ясно изложенные учения, более или менее полно высказались, так что нет безграничного простора для различных произвольных истолкований их учения. Господь Иисус Христос Своего учения в письменности не оставил. Он ничего не писал. Поэтому нет ничего легче, как по своему вкусу перетолковывать учение Христово и сочинять «христианство», выдавая под этим названием свои собственные заблуждения. Священные же книги Нового Завета писаны не книжными апостолами, но по внушению Духа Святого. Святая Церковь имеет истинное толкование Евангелия и Посланий Апостольских.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ НЕПОНЯТНО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕРКВИ

Но во все века бывали, как их называет св. Ириней Лионский, «исправители апостолов»^[82], которые считали себя выше апостолов, этих «галилейских рыбаков». Ну, к лицу ли высокообразованному европейцу 20-го века принимать на веру всё, сказанное какими-то «рыбаками?» А потому многие освобо-

ждают себя даже и от доверия апостолам и желают истолковывать Христово учение, руководствуясь только своими соображениями. Ведь Лев Толстой прямо заявил, что ап. Павел не понял хорошо учения Христова^[83]; себя-то, стало быть, Толстой считал выше ап. Павла. И много можно дивиться тому, как далеко заходят люди в своём «истолковании» христианства. Чего только не захотят они, тот час всё это и находят в Евангелии. Оказывается, что всякую свою праздную мечту и даже злонамеренную мысль можно при желании покрыть евангельским учением.

Разве не замечательно, что все отступники от Церкви постоянно говорят о своём уважении к Священному Писанию и, в то же время, очень скоро переходят к искажению даже самых книг Писания! Как только оставят люди Церковь, тот час начинают Писание истолковывать по-своему, и каждый его толкует по-разному. Христос молился Богу Отцу о единстве всех, в Него верующих, апостолы увещевали к единомыслию, говорили об единстве веры. Оказывается, без Церкви никакое единство не возможно. Опять должно получиться Вавилонское «смешение языков». В Церкви вера тысячелетия остается одна и та же, всегда себе самой равна. Но у отступивших от Церкви она меняется чуть не ежедневно. Еретики и сектанты постоянно появляются новые, и каждый их учитель проповедует по-разному. Ясно, что без Церкви пропадает, прежде всего, учение Христово и заменяется человеческими мудрованиями недолговечными.

Нет, вера Христова становится только тогда ясна и определённа для человека, когда он нелицемерно верует в Церковь; только тогда бисер этой веры и бывает чист, только тогда не смешивается он с кучей грязного мусора всевозможных своевольных мнений и суждений. Обо всём этом ведь говорил ещё ап. Павел, когда Церковь Бога живого называлась столпом и утверждением истины (1 Тим. 3:15).

Таким образом, в отделении от Церкви даже и учение христианское оказывается чем-то весьма неопределённым, неуловимым, по желанию постоянно изменяющимся.

ВНЕ ЦЕРКВИ УТРАЧИВАЕТСЯ ВЕРА В БОЖЕСТВО ХРИСТОВО

Но подделка Церкви христианством ведёт за собой ещё одну ужасную подделку – подделку Христа Богочеловека человеком Иисусом из Назарета. Как вера в Церковь неразрывно связана с признанием Божества Христа Спасителя, так и отрицание Церкви ведёт за собою отрицание воплощения Сына Божия, отрицание Божества Иисуса Христа. Ведь для того, чтобы дать какое-нибудь учение, для этого нет нужды непременно быть Богочеловеком. Божественное достоинство Христа необходимо нужно только тому, кто видит в Нём Спасителя, влившего в естество человеческое новые силы и основавшего Церковь. В самом деле, разве уже из слов Самого Иисуса Христа не видна эта нерасторжимая связь истиной Церкви и Истиной Его Богосыновства? Симон Пётр сказал: *«Ты – Христос, Сын Бога живого»*. Тогда Иисус сказал ему: *«И Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сём камне (т.е. на истине Боговоплощения, которое исповедовал Пётр) Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея»* (Мтф. 16:16-18).

Древняя Церковь с особенным напряжением отстаивала эту истину единосущия воплотившегося Сына Божия с Богом Отцом, потому что она жаждала действительного обновления человеческого существа, воссоздания «новой твари», т.е. Церкви. Непокколебимая вера в то, что Сын Божий, второе Лицо Св. Троицы, сошёл на землю, сделался человеком, открыл людям тайны Царства Божия, основал Свою Церковь на земле, пострадал за грехи рода человеческого и, победив смерть, воскрес из мёртвых, открыв людям путь к богоуподоблению и обожествлению не только по душе, но и по телу, – эта, именно, вера лежала в качестве внутреннего мотива в основе всех догматических движений 4-го века.^[84]

Почему так напряжена была борьба с арианством? Почему ариане встретили такой решительный отпор, что св. Афанасий Великий этот столп Церкви Христовой, отказал им в названии «христиан»? Ведь ариане признавали учение Христа, считали Его даже воплотившимся Сыном Божиим, только этого Сына Божия не считали равным и единосущным Богу Отцу. Но вот что пишет св. **Афанасий Великий**: «Называющие ариан христианами находятся в великом и крайнем заблуждении,

как не читавшие Писания и вовсе не знающие христианства и христианской веры. Поистине, это значит тоже, что и Каиафу назвать христианином, Иуду предателя сопричислять ещё к апостолам; утверждать, что испросившие Варавву, а не Спасителя, не сделали ничего худого; доказывать, что Именей и Александр – люди благомыслящие, и Апостол лжёт на них. Но христианин не может выслушивать это терпеливо; и кто отважится говорить это, о том никто не предположит, что он в здравом уме».^[85]

Современному, малорелигиозному человеку все догматические споры IV-го века кажутся непонятными и как бы не имеющими смысла. Но «это была борьба двух до крайности противоположных воззрений на Христа: мистически-религиозного, в котором Он являлся источником жизни, спасения, бессмертия и обожения; и – рационалистического, где Христос представлялся лишь божественным Учителем и нормальным примером для Своих последователей. Вопрос шёл, в сущности, о том, останется ли в будущем христианство религией со всей совокупностью его светлых верований и мистических упований, или оно разрушится в простую философию с религиозным оттенком, каких немало было в то время. Поэтому-то и вопросы о Божестве Сына Божия, затрагивавшие самую интимную сторону верующей души, обсуждались на площадях и рынках».^[87]

Можно сказать, что и тогда Церковь отстаивала единосущие с Богом Отцом своего Основателя; ариане же, люди рационалистического взгляда, отрицали единосущие воплотившегося Сына Божия, смотря на Него как на основателя школы, которому уж не так-то обязательно нужно быть совершенным Богом. Желание быть «новой тварью», «обновлённым естеством», иначе сказать – Церковью Бога живого, требует признать полное Божество Христа. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». «Сын Божий сделался сыном человеческим, чтобы сыны человеческие соделались сынами Божиими», – вот как определяют смысл Боговоплощения св. Ириней Лионский и Афанасий Великий.^[88]

По учению этих великих отцов Церкви, спасение невозможно без воплощения и вочеловечения истинного Бога. «Если бы человек не соединился с Богом, он не мог бы сделаться при-

частным нетления», – говорит св. Иринея.^[89] «Если бы Сын был тварь, то человек всё ещё оставался бы смертным, не сочетаясь с Богом», – пишет св. Афанасий.^[90] Такими же мыслями полно богослужение нашей Православной Церкви. Вот примеры из одной только службы на Рождество Христово. «Днесь Бог на землю прииде, и человек на небеса взыде».^[91] «По образу и подобию, истлевша преступлением, видево Иисус преклонив небеса сниде и вселися во утробу девственную неизменно да в ней истлевошего Адама обновит».^[92] «Да ликовствует убо вся тварь да играет, обновити бо ю прииде Христос и спасти души наша».^[93] «Истлевша преступлением, по Божию образу бывшаго, всего тления суца, лучшая отпадша божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель».^[94] «Желание получивше и Божия пришествия христокраснии, люди сподобльшесе, ныне утешаются пакибытиём».^[95] «Восставити и прославити человеческое падшее естество приидох явственно»^[96] – вот какие слова св. Церковь влагает в уста родившегося Господа.

Православная Церковь – носительница идеи действительного спасения человека, его полного возрождения, обновления, воссоздания и обожения, чего своими силами человеку не достигнуть, сколько бы он не мудрствовал. Церковь для того, чтобы быть именно Церковью – обществом обновлённого человечества, требует воплощения Сына Божия, а потому для церковных людей, восприявших всю высоту религиозного идеала св. Церкви, Иисус Христос всегда был и есть Сын Божий, единосущный Богу Отцу. «Другие, – пишет св. Иринея, – не придают никакого значения снисхождению Сына Божия и домостроительству Его воплощения, которое апостолы возвестили и пророки предсказали, что через это должно осуществиться совершенство нашего человечества. И такие должны быть причислены к маловерам».^[97]

Во времена св. Иринея некоторые лжеученые утверждали, будто всё дело Христово состояло в том, что Он дал новый закон вместо ветхого, который Он отменил. Св. Иринея, напротив, утверждает, что не новый закон, не новое учение было целью Христова пришествия, а, именно, воссоздание падшего существа человеческого. «Если у вас, – пишет он, – возникает такая мысль: что же нового принёс Господь пришествием Своим?, то знайте, что Он принёс всё новое тем, что Он принёс Себя Самого и тем обновил и оживотворил человека».^[98]

Если же кто-то отрицает Церковь с её религиозным идеалом, то и Христос для него, естественно, становится только в разряд учителей-мудрецов, рядом с Буддой, Конфуцием, Сократом, Лао-Цзы и другими. Притом Христос оказывается учителем далеко не самостоятельным. Услужливая наука указывает множество разных источников, вплоть до вавилонских сказаний и мифов, откуда будто бы позаимствовано учение Христова. Христос уподобляется плохому учёному, который составляет своё сочинение, не всегда удачно компилируя из разных чужих книг. Враги христианства со злорадством указывают на эти результаты «научных» исследований и объявляют, что, в сущности-де, Иисус Назарянин и учения-то нового не дал. Он, дескать, только повторил, что было сказано ещё до Него и что, мол, знали бы и без Него.

Но для того, кто верует в Церковь, все эти речи о разных «влияниях» на христианство не имеют ни малейшего смысла, потому что сущность дела Христова, как сказано, не только в учении, а в **спасении**. Бог послал Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него (1 Иоанн. 4:9., сравн. 5:13). Пусть в учениях земных мудрецов встречаются прозрения истины, близкие к христианству, но Христос, Сын Божий, создал Церковь, ниспослал Духа Святого и тем положил начало новой жизни, чего никакой мудрец из рода человеческого сделать не мог. Именно для создания Церкви необходимо было сошествие на землю Сына Божия и Его крестная смерть. А потому все, отделяющие христианство от Церкви рано или поздно приходят к богохульству отрицания Христа-Богочеловека и приходят именно потому, что при отрицании Церкви Богочеловечество Христа становится для них ненужным.

ТРАГЕДИЯ БЕСЦЕРКОВНОГО ХРИСТИАНСТВА

Немало развелось у нас людей, мечтающих, именно, о каком-то бесцерковном христианстве. У этих людей как бы постоянно анархический строй мышления; они или не способны, а чаще – просто ленятся продумать до конца свои мысли. Но, не говоря уже о самых очевидных противоречиях этого бесцерковного христианства, всегда можно видеть, что в нём благодатной христианской жизни, благодатного воодушевления,

энтузиазма совершенно не бывает. Когда люди берут Евангелие, забывая, что его дала им Церковь, оно для них – будто Коран, сброшенный Аллахом с небес. Когда же они ухитряются как-то просмотреть в Евангелии учения о Церкви, тогда от всего христианства остаётся одно учение, столь же бессильное пересоздать жизнь и человека, как и всякое другое учение. Наши прародители Адам и Ева хотели без Бога сделаться, «как боги», полагаясь на магическую силу красивого яблока. Так и многие наши современники мечтают спастись без Церкви и без Богочеловека, хотя и с Евангелием. На книгу Евангелия они надеются так же, как Адам и Ева надеялись на райское яблоко.

Но книга оказывается не в силах дать им новую жизнь. Люди, отрицающие Церковь, постоянно говорят о «евангельских принципах», о евангельском учении, но христианство как жизнь им совершенно чуждо. В бесцерковной форме христианство является одним только звуком, изредка сентиментальным, но всегда карикатурным и безжизненным. Именно вот эти-то люди, отрицая Церковь, сделали христианство, по выражению В. С. Соловьёва, «смертельно скучным». «Когда разрушено здание Церкви, и на голом, плохо выровненном месте держится назидательная проповедь, – это выходит грустно и даже ужасно». Это сказал Давид Штраус.

Подобной же безжизненностью посрамляется и протестантское лжеучение. Чего достигли протестанты, помрачив своими мудрствованиями идею Церкви? Достигли только разъединения, и разъединения самого безнадежного. Протестантство постоянно дробится на секты. Протестантской церковной жизни нет, а есть кое-какая «еле живая» жизнь отдельных сект и общин. Общецерковную жизнь, о которой молился Господь Иисус Христос в первосвященнической молитве, протестантство убило. В самом деле, крайние ортодоксалы протестантства гораздо ближе стоят к православным христианам, нежели к протестантам рационалистических толков, не имеющих с христианством ничего общего, кроме произвольно и без всяких оснований присвоенного себе названия, благо за это к суду не привлекают. Какое же единение возможно между ними? Какая общая жизнь может быть у них?

Говорим всё это мы не от себя. В минуты откровенности

то же самое, даже более резко, говорят и сами протестанты. «Страна, – пишет один из них, – которая была колыбелью реформации, становится могилой реформаторской веры. Протестантская вера при смерти. Все новейшие труды о Германии, равно как и все личные наблюдения, согласны в этом».^[99] «Не замечается ли в нашем богословии тот факт, что представители его потеряли всё положительное?» – спрашивает другой.^[100]

Ещё печальнее слова третьего: «Жизненная сила протестантизма истощается в путанице догматических школ, богословских раздоров, церковных распрей... Реформация забывается или презирается; слово Божие, за которое умирали отцы, подвергается сомнениям; протестантизм разрознен, слаб, бессилен».^[101] А православный исследователь лютеранства оканчивает свой труд таким безотрадным выводом: «Предоставленные сами себе, своим субъективным разуму и вере, лютеране смело пошли по ложному пути. Автономная и автодиктатная личность извратила христианство, извратила самое символическое вероучение, поставив лютеранство на краю гибели. Всё более и более отвергаются в лютеранстве авторитеты первых реформаторов, всё более и более уничтожается общность верований, и всё ближе подходит лютеранство к своей духовной смерти».^[102]

За последнее время немало произошло в протестантизме явлений, которые обнаружили всю пагубность и лживость сделанного протестантизмом отделения христианства от Церкви. Среди пасторов появились такие, которые своим прихожанам не только не проповедовали Христа распятого, но даже отрицали самое бытие личного Бога (Ято). Другие открыто высказывали сочувствие одному из злонамеренных врагов христианства (Древсу), который, прикрываясь наукой, доказывал, что Христос вовсе и не жил никогда на земле, что, следовательно, все Евангелия – одни лишь басни. У нас многие склонны протестантов назвать христианами. О таких людях трудно предположить, что они в здравом уме (см. выше слова св. Афанасия Великого). Ведь теперь ясно всякому, что, потеряв Церковь, протестанты теряют и Христа-Богочеловека. В настоящее время протестанты уже открыто признают, что в Германии не более трети пасторов признаёт Божество Христа. Что это, как не духовная смерть, ибо не имеющий Сына Божия, по слову Апостола, не имеет жизни! (1 Иоанн 5:12).

Когда-то в Москве шумели со «Всемирным христианским студенческим союзом». В центр русских православных святынь понаехали различные миссионеры этого союза, разные мистеры Мотты да миссы Раус, которые обратились с английской проповедью к русскому студенчеству. Говорилось о том, что союз внеконфессиональный; в нём представлена свобода всякому христианскому вероисповеданию. Вероисповедания объединяются в союз «на федеративных началах». Следовательно, предполагается возможность какого-то общего христианства, независимо от Церкви. Но именно потому-то союз и есть нечто мёртворождённое. Может ли быть, есть ли в этом «союзе» какая-либо христианская жизнь? Если и есть, то самая жалкая. Представьте себе «конгресс» христианских студенческих организаций, на который явились «делегаты федеративно объединившихся конфессиональных фракций», «конгресс», с его «резолюциями», «пожеланиями» и проч. Если и происходит какое-то единение, то как оно предельно ниже подлинной церковной православной жизни! Только для того, кто блуждает «на стране далече» не только от святого Православия, но и от всякой веры, только для того еле живая жизнь в единении на каких-то «федеративных началах» может казаться каким-то откровением, отрадой для пустой души.

Какое же благо в сравнении с этими проблесками жизни представляет собой полнота православной соборной жизни! Когда слышишь о докладах и рассуждениях «Всемирного христианского студенческого союза», печалью и горечью наполняется сердце. Столько жаждущих Бога, столько жаждущих жизни искренних людей «голодом гибнут», «питаются от рожков» какого-то заморского студенческого союза! Неужели не знают они, как можно избыточествовать хлебом в доме Небесного Отца, в Церкви Православной? [!] Нужно только забыть всякие «федеративные начала», свободно отдаться в полное послушание Православной Церкви и прилепиться к полноте церковной жизни, жизни тела Христова.

Бывали случаи, что легкомысленные люди задумывали кабинетным путём создать всемирную религию, рассылали миллионы воззваний с приглашением объединиться в этой «общей религии», проект которой и прилагался к воззваниям. Но проект этот составлялся в самых общих выражениях: под ним с одинаковым удобством мог подписаться католик и протестант,

магометанин и иудей. И, конечно, если бы все люди согласились с этим проектом, то это нисколько бы не объединило их между собою. Общие отвлечённые положения никого ни к чему не обязывали бы, люди остались бы те же, никто не получил бы никакого спасения. Совершенно безумна мысль соединить людей на почве какого-либо учения, для этого потребна особая сверхъестественная сила, которой и обладает единая святая, соборная Церковь Христова.

Весьма нетрудно в отношении всех этих и подобных им явлений современной нам жизни ответить на вопрос: на какой почве они могли появиться и каков их смысл? Почва для них именно та, что подлинный христианский православный идеал Церкви для многих наших современников оказался слишком высоким. Христос приходил на землю, чтобы обновить человеческое естество. Для этого обновления Он создал Церковь. Обновление совершается не без труда. Здесь, по Апостолу, необходимо сражаться до крови (Евр. 12:4), сражаться, конечно, с грехом. А люди полюбили как раз своё греховное естество, полюбили грех и не хотят с ним расстаться. Теперь люди настолько закаменели в своём себялюбии, что православный идеал Церкви кажется им каким-то насилием над личностью, непонятным и ненужным деспотизмом. Православный идеал Церкви требует от каждого весьма много самоотверженного смирения, любви вообще, а потому для бедных любовью сердец наших современников, для которых всего дороже их греховное себялюбие, этот идеал и представляется бременем неудобноносимым.

Как же быть? О, человечество прекрасно знает, как поступать в таких случаях! Когда какой-нибудь идеал покажется не по плечу, слишком тяжёлым, его заменяют чем-нибудь более сходным, принижают самый идеал, исказив его сущность, но оставив иногда его прежнее название. Ведь как многие теперь уже махнули рукой на идеал любви(!) Говорят, что на основе любви строить общественную жизнь – это совершенно несбыточная мечта, от которой лучше отказаться заранее, чтобы не было хуже потом. Мало того, увлечение идеалом церковной, даже вообще религиозной жизни, прямо-таки называют вредным; оно будто бы тормозит прогресс общественной жизни. Оставив любовь, как непригодную в жизни общественной, только для «частных» потребностей человека, всё своё внима-

ние обратили исключительно на право, которым и думают исцелить все общественные недуги. Наряду с этим добродетель вообще подменяется соблюдением порядка и внешним приличием. Золото дорого, и для замены его изобрели позолоту, а для замены недостающей добродетели выдумали приличия.

Совершенно так же поступают и с идеалом Церкви, который требует полного единения душ и сердец. Церковь подменяют христианством, величиной совершенно, как мы уже говорили, неопределённой. Совесть иногда остаётся спокойной, – всё-таки «христианство», название приличное! А подставить под это название без Церкви можно всё, что только понравится. Здесь нельзя не заметить лукавого действия человекоубийцы, древнего змия. Демоны потому и принимают образ ангела света, что их собственный вид отвратителен для человека. Не так легко склонить человека на полное безбожие и богохульство. Дьявол это знает, а потому идёт окольным путём, внушает лишь отделить христианство от Церкви в полной уверенности, что без Церкви люди всё равно дойдут до безбожия, потеряют спасение и будут по смерти в его власти. Дьявол и теперь, как и при искушении Христа в пустыне, прибегает к помощи Писаний, чтобы доказать возможность отделения христианства от Церкви.

Но беда нашего времени в том, что никто не желает чисто-сердечно признаться в своей духовной нищете, в ожесточении сердца своего до того, что тяжёл и даже непонятен стал идеал Церкви. Нет, подменив золото медью, самому-то золоту не хотят приписывать никакой ценности. Теперь с ожесточением набрасываются на Церковь и отрицают саму идею Церкви, лицемерно прикрываясь громкими и шаблонными, скучными фразами о «свободе личности», об «индивидуальном преломлении» христианства, о религии свободы и духа. Христов идеал единого церковного общества («да все едино будут», «как Мы едины есть») оказывается приниженным и обезображенным, а потому он и теряет своё жизненное значение. Бесцерковное христианство, какое-то «евангельское» христианство, разные всемирные христианские студенческие союзы – всё это ничто иное, как принижение и искажение Христовой идеи Церкви, убивающей всякую подлинно христианскую благодатную церковную жизнь.

Св. **Иринея Лионский** не допускал возможности отделять христианскую истину от Церкви. «Не должно, – писал он, – у других искать истину, которую легко получить от Церкви, ибо апостолы, как богач в сокровищницу, вполне собрали в неё всё, что относится к истине, так что каждый желающий берёт от неё питие жизни. Она есть, именно, дверь жизни, а все прочие – суть воры и разбойники».^[103] Забвение этой истины всегда и всех приводило только к заблуждению. Об отступниках своего времени св. Иринея пишет: «Они не питаются для жизни от сосцов матери, не пользуются чистейшим источником, исходящим от тела Христова, но выкапывают себе сокрушенные колодцы из земных рвов и пьют гнилую воду из грязи, удаляясь от веры Церкви, чтобы не обратиться, и отвергая Духа, чтобы не вразумиться. Отчуждившись от истины, еретики по достоинству увлекаются всяким заблуждением, волнуемыми им, по временам думая об одних и тех же предметах и никогда не имея твёрдого мнения, желая быть более софистами слов, чем учениками истины».^[104] Такая же печальная участь «блуждания» постигает отступников от Церкви и теперь.

Оттого-то и много так в наше время различных, весьма причудливых «исканий», что забыта истина Церкви. В век апостольский спасающиеся прилагались к Церкви, и из всех посторонних никто не смел к ним пристать (Деян. 5:13). Тогда не было возможности для вопроса: где же Церковь? Это была ясная и определённая величина, резко отделённая от всего нецерковного. Теперь между Церковью и «миром» стоит какая-то промежуточная среда. Теперь нет ясного разделения: Церковь и не-Церковь. Есть ещё какое-то неопределённое христианство, и даже не христианство, а общая отвлечённая религия. Свет Церкви затемнили вот эти неясные понятия христианства и религии, и его плохо видят все ищущие, почему «искание» так часто переходят в «блуждание». А отсюда в наши дни такое изобилие «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3:7). Открылся, если позволительно так выразиться, какой-то спорт «богоискательства;» самоё «богоискательство» сделалось целью. Ведь о многих наших «богоискателях» позволительно думать, что они, в случае, если бы их искания увенчались успехом, почувствовали бы себя в высшей степени несчастными и тотчас начали бы с прежним усердием заниматься «боготворчеством». Ведь на богоискательстве многие в наше время прямо-таки составляли себе «имя». И вспоми-

нается суровый приговор Преосвященного епископа Михаила (Грибановского) над всякими исканиями вообще: «Потому и ищут, что остались без принципов; и пока ищут лучшие, худшие пользуются сутолокой и мошенничают без всякого зазрения совести. Да и какая совесть, если никто не знает, что истина, что добро, что зло!»^[105].

Промежуточные понятия религии и христианства только отдаляют многих людей от истины, потому что для искренне ищущего Бога они являются своего рода мытарствами. На путь этих исканий-мытарств вступают многие, но далеко не все с успехом проходят его. Значительная часть так и «ходит по мытарствам», не находя себе блаженного покоя. Наконец, в этой сфере, так сказать, полусвета, полу-истины, в этой сфере недоговорённого и неопределённого, в этом «мире неясного и нерешённого» мельчает самая душа, становится дряблой, плохо восприимчивой к благодатному воодушевлению. Такая душа будет пытаться «искать» даже и тогда, когда найдёт. Создаётся печальный тип «религиозных праздношатаев», как назвал его Ф. М. Достоевский.

Отмеченное положение вещей на всех церковных людей в наше время налагает особую ответственность. Церковные люди много повинны в том, что для всех «ищущих» они неясно указывают и плохо своим примером освещают конечный путь исканий. А этот пункт и есть не отвлечённое понятие христианства, а, именно, Церковь Бога живого. Можно по примеру многих людей, до конца прошедших томительный путь исканий, судить о том, что полное успокоение наступает только тогда, когда человек уверует в Церковь, когда он всем своим существом воспримет идею Церкви так, что для него немислимым будет отделение христианства от Церкви. Тогда начинается действительно *ощущение церковной жизни*. Человек чувствует, что он – ветвь великого, присно цветущего и присно юнейшего древа Церкви. Он сознаёт себя не последователем какой-нибудь школы, а именно членом тела Христова, с которым он имеет общую жизнь и от которого он получает эту жизнь. Потому что только тот, кто уверовал в Церковь, кто уставами Церкви руководится к оценке явлений жизни и в направлении своей личной жизни, кто, наконец, *почувствовал в себе жизнь церковную*, тот и только тот на правильном пути. Многое, что раньше казалось неопределённым и соблазнительным, станет несомненным и ясным.

Особенно дорого, что во времена общего шатания, колебания из стороны в сторону, справа налево и слева направо, каждый церковный человек чувствует, как он стоит на непоколебимой вековой скале, как твердо у него под ногами.

ДУХ СВЯТОЙ ПО СЕЙ ДЕНЬ ДЫШИТ В ЦЕРКВИ

В Церкви живёт Дух Божий. Это не сухое и пустое догматическое положение, сохраняемое только по уважению к старине. Нет, это, именно, *истина, опытно познаваемая* каждым, кто проникся церковным сознанием и церковной жизнью. Благодатная жизнь Церкви даже не может быть предметом сухого научного изучения; она доступна изучению опытному. О жизни благодати, ясно ощущаемой, человеческий язык всегда может высказаться только туманно и темно. О жизни Церковной знает только тот, кто её имеет; для него она не требует доказательств, а для не имеющего её и она почти не доказуема.

Поэтому для члена Церкви должно быть задачей всей его жизни – постоянно более и более объединяться с жизнью Церкви, а в то же время и для других проповедовать именно о Церкви, не подменяя её христианством, не подменяя её сухим и отвлечённым учением. Здесь не должно делать никакой уступки. Нет христианства, нет Христа, нет благодати, нет истины, нет жизни, нет спасения – ничего нет без Церкви, и всё есть только в единой Церкви!

Слишком часто говорят теперь о недостатке жизни в Церкви, об «оживлении» Церкви. Все эти речи мы затрудняемся понимать и весьма склонны признать их совершенно бессмысленными. Жизнь в Церкви иссякнуть никогда не может, ибо до окончания века в ней пребывает Дух Святой (Иоан. 14:16). И жизнь в Церкви есть. Только бесцерковные люди не замечают этой жизни. Жизнь Духа Божия непонятна человеку душевному, она кажется ему даже юродством, ибо доступна она человеку только духовному. Нам, людям душевного склада мышления, редко даётся ощущение церковной жизни. А между тем и теперь люди, сердцем простые и жизнью благочестивые, постоянно живут этим ощущением благодатной церковной жизни. Эту церковную атмосферу, это дыхание церковное осо-

бенно ощущаешь в монастырях. Вот где убеждаешься в силе и действительности Божией благодати, живущей в Церкви! Дивишься и благодаришь Бога, когда видишь, что церковная жизнь действительно перерождает человека, делает его «новой тварью». Здесь просвещается ум, создаются высокие чистые взгляды, сердце умягчается любовью, и радость нисходит на душу. Отступившие от Церкви, гордящиеся своим просвещением, на самом деле, несравненно ниже и грубее живущего церковной жизнью инока-простеца.

Нет, не о недостатке жизни в Церкви, по-нашему мнению, нужно говорить, а только о недостатке в нас церковной сознательности. Многие живут церковной жизнью, совсем даже этого ясно не сознавая. А если мы даже и сознательно живём церковной жизнью, мы мало проповедуем о благе этой жизни. С посторонними мы ведём спор обычно о христианских истинах, забывая про церковную жизнь. Учение, теория, догмат в наших глазах стоят как будто выше жизни церковной. Мы тоже иногда бываем способны подменить Церковь христианством, жизнь – отвлечённым учением.

Наша беда в том, что мы сами-то мало ценим свою Церковь и великое благо жизни церковной. Мы не исповедуем своей веры в Церкви смело, ясно и определённо. Веруя в Церковь, мы постоянно как бы извиняемся за то, что мы в неё [всё] ещё веруем. Мы читаем девятый член Символа веры без особенной радости и даже с виноватым видом. Церковного человека теперь часто встречают восклицанием тургеневского стихотворения в прозе: «Вы ещё верите? Да Вы совсем отсталый человек!» И многие ли имеют столько мужества, чтобы смело исповедать: «Да, я верую в единую святую, соборную и апостольскую Церковь, принадлежу к святой Православной Церкви, и потому я – самый передовой человек, ибо в Церкви только возможна та новая жизнь, ради которой Сын Божий приходил на грешную землю; только в Церкви можно приходиться в меру полного возраста Христова, – следовательно, только в Церкви возможен подлинный прогресс, истинное спасение!»

Не чаще ли на вопрос: ты не из учеников Христовых? – готовы мы ротиться и клаятся, яко не знаю человека?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насущной потребностью настоящего времени поэтому можно считать открытое исповедание той непреложной истины, что Христос создал, именно, Церковь и что совершенно нелепо отделять христианство от Церкви и говорить о каком-то христианстве помимо святой Христовой Церкви Православной. Эта истина, думаем, многим осветит конечный пункт их томительных исканий, укажет им его не в безжизненном учении, хотя бы и евангельском, а в церковной жизни, где они действительно освободятся от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2 Тим. 2:26). Эта истина поможет и нам опознать церковную жизнь и «собрать расточенные» чада церковные, да и все едино будут, как молился Господь Иисус Христос перед Своими страданиями.

Посмотрите, как бьётся несчастная птица, когда она летит при сильном ветре! Как неровен её полёт! То она взлетает вверх, то опрокидывает её вниз, то подвинется она немного вперед, то снова относит её далеко назад. Так носится и человек ветрами лжеучений. Но как птица успокаивается в гнезде в густых ветвях дерева и мирно смотрит из своего убежища на несущуюся мимо бурю, так и человек обретает мир, когда прибегает к Церкви. Из своего тихого пристанища смотрит он на свирепую бурю «около церковных стен», скорбит о несчастных людях, которые застигнуты этой бурей вне Церкви и медлят укрыться под её благодатным кровом, и молится ко Господу: «Соедини их святой Твоей соборной и апостольской Церкви, да и тии с нами славят пречестное и великолепное имя в Троице славимого Бога».

1915г.

Сноски

Завещание отеческое. Издание под редакцией Е.М. Прилежаева. СПб. 1893. стр. 3, 6.

«Напоминания», I, 25-26. Казань 1904, стр. 47, 48.

Подвижнические уставы, гл. XVIII. Творения, ч. 5 изд. 4. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1902, стр. 359, 360.

Письмо 62. Творения, изд. 2 Киев. 1891 года, ч. 1, стр. 363-364

О молитве Господней. Творения, ч. 2, стр. 221, 217.

Толкование на ев. Иоанна, кн. 11, гл. 11. Творения, изд. Моск. Дух. Акад., ч. 15, Сергиев Посад 1912, стр. 105-112 *passim*. Только в самое последнее время на эту мысль обратил внимание богословской науки Митрополит Антоний (Храповицкий).

Рим. 12:4, 5; 1 Кор. 6:15; 10:17; 12:13, 27; Ефес. 1:23; 4:4, 12, 16, 25; 5: 23, 30; Кол. 1:18, 24; 2:19; 3:15.

Письмо 63 к Цилию, гл. 13 Творений, ч. 1, стр. 397.

Толкование на Евангелии Иоанна, кн. 11, гл. 11. Творений ч. 15, Сергиев Посад 1912, стр. 109-110.

Толкование на Евангелии Иоанна, кн. 10, гл. 2. Творений ч. 14 Сергиевский Посад 1909, стр. 324.

См. 1 Кор. 12:11, 13. Ефес. 4:3-4, 7 и др.

На послание к Ефесянам, беседа 9. Творения, изд. СПб Духовная Академия, т. 11, стр. 86.

На послание к Ефесянам, беседа 11. Творения, т. 11, стр. 96.

Творений ч. 7. Москва 1861, стр. 434.

Творения, изд. Киевский Дух, Академии кн. 17, стр. 297.

Толкование на посл. в Казань 1867, стр.123. Приведём ещё толкование православного богослова проф. Богдашевского (позже епископа Василия). *«...Единение Духа есть единство, которое соделывает Дух или производит его, – это единство, обитающее в Церкви, от Духа Божия»*. Послание св. ап. Павла к Ефесянам. Киев 1904, стр. 505.

1 Иоан. 2:5; 3:17; IV 9; Рим. 5:6; сравн. 1 Кор. 13:15; 2 Сол. 3:5.

Творений ч. 7, стр. 134.

На посл. к Ефес., беседа 11, 1. Творения, т. 11, стр. 96.

Подробное толкование этого стиха см. у проф. Богдашевского, цит. соч., стр. 557-565, а так же у Ив. Мансветова. Новозаветное учение о Церкви. Москва 1879, стр. 143-160.

«Довольно неясно он (Апостол) изложил свои мысли от того, что хотел высказать всё вдруг», – говорит св. Иоанн Златоуст. На посл. к Ефес. бес. 11, 3. Творения, т. 11, стр. 100.

На посл. к Ефес. бес. 11, 3. Творения, т. 11, стр. 100-101.

Творений ч. 7, стр. 438.

In epist Ephesios. Migne, PG, t. 95, clo. 844 A.

Толкование на посл. к Ефес. Казань 1881, стр. 132.

Толкованик посл. св. Ап. Павла к Ефес., изд. 2. Москва 1883, стр. 307.

Св. Иоанн Златоуст. На посл. к Ефес. бес. 11, 3. Творений ч. 11, стр. 100-102.

Св. Киприан Карф. О единстве Церкви, гл. 5. Творений ч. 2, стр. 180.

29. Св. Киприан Карф. О единстве Церкви, гл. 5. Творений ч. 2, стр. 180.

Сравн. Митроп. Антония, Собрание сочинений, т. 2, стр. 16.

Подробное доказательство этой истины смотрите в кн. проф. В. Н. Мышцина. Устройство христианской Церкви в первые два века. Сергиев Посад 1909, стр. 144-155. 299 слл.

О единстве Церкви, гл. 14. Творений ч. 2, стр. 188, 189.

Письмо 43 к Антониану. Творений ч. 1, стр. 236. Письмо 59 к Стефану. Творений ч. 1, стр. 330.

Письмо 62 к Магну. Творений ч. 1, стр. 360.

Письмо 55 к Стефану. Творений ч. 1, стр. 312.

Письмо 62 к Магну. Творений ч. 1, стр. 361.

О единстве Церкви, гл. XV. Творений ч. 2, стр. 190. См. ещё О молитве Господней, гл. XXIV, ч.2, стр. 217-218. Письмо 43 к Антониану. Творений ч. 1, стр. 239.

Письмо 62 к Магну. Творений ч. 1, стр. 371.

Письмо 58 к Квинту. Творений ч. 1, стр. 326-327.

Письмо 61 к Помпею. Творений ч. 1, стр. 353. Письмо 57 к Януарию. Творений ч. 1, стр. 326.

- Письмо 56 к Квинту. Творений ч. 1, стр. 326. О единстве Церкви, гл. 23. Творений ч. 2, стр. 197.
- О единстве Церкви, гл. 4, Творений ч. 2, стр. 179-180.
- О единстве Церкви, гл. 3. Творений ч. 2, стр. 178.
- О единстве Церкви, гл. 14. Творений ч. 2, стр. 189.
- Там же, стр. 190. Сравн. Письмо 60 к Юбаяну. Творений ч. 1, стр. 334.
- О единстве Церкви, гл. 17. Творений ч. 2, стр. 191-192.
- Письмо 60 к Юбаяну. Творений ч. 1, стр. 334-335.
- Письмо 40 к Корнелию. Творений ч. 1, стр. 205.
- Письмо 62 к Магну. Творений ч. 1, стр. 360-361. Киприан ссылается здесь на Лук. 11, 23; Матф. 18:17; Иоан. 2:18. См. ещё письмо 57 к Януарию. Творений ч. 1, стр. 324-325. Письмо 61 к Помпею. Творений ч. 1, стр. 351.
- Письмо 43. Творений ч. 1, стр. 234.
- Письмо 42 к Корнелию. Творений ч. 1, стр. 212.
- Nabere jam non potest Deum patrem, qui Ecclesiam non habet matrem.* О единстве Церкви, гл. VI. Творений ч. 2, стр. 181. Сравн. гл. XVII, стр. 191:можно представить себе, что тот находится со Христом, кто действует против священников Христовых, отделяя себя от общения с Его клиром и народом.
- Письмо 58, гл. I. Творений ч. 1, стр. 325.
- Письмо 58 к Квинту, гл. I. Творений ч. 1, стр. 326. Письмо 61 к Помпею, гл. II. Творений ч. 1, стр. 351.
- О единстве Церкви, гл. 11. Творений ч. 2, стр. 185-186. Сравн. Письмо 60 к Юбаяну. Творений ч. 1, стр. 346.
- Migne, PL. t. 3, col. 1077-1078.
- Матф. 16:16; 8:29. Марк. I, 24. Лук. 8:28. *Contra litteras Petiliani* 3:34, 39. Migne, PL. t. 43, col. 68.
- Contra Cresconium*. I. 22, 27. Migne, PL. t. 43, col. 460
- De baptismo* I, 7, 9. Migne, PL. t. 43, col. 115.
- Contra Cressonium*. I, 29, 34. Migne, PL. t. 43, col. 463-464.
- De baptismo*, I, 2, 3. Migne, PL. t. 43, col. 110. *Contra Cressonium*. 1:22, 27; IV, 21, 26. Migne, PL. t. 43, col. 460, 563.
- In I Ioan. tract.* 5, 7. Migne, PL. t. 35, col. 2015.
- De baptismo*, I, 9,12. Migne, PL. t. 43, col. 116.

Ibidem.

De baptismo, I, 10, 14. Migne, PL. t. 43, col. 117-118.

De baptismo, I, 12, 18. Migne, PL. t. 43, col. 119.

De baptismo, I, 12, 19, 20; I, 13, 21. Migne, PL. t. 43, col. 119, 120, 121

De baptismo, I, 15, 23. Migne, PL. t. 43, col. 121.

Contra Cresconium II, 14, 17. Migne, PL. t. 43, col. 477.

De baptismo, III, 16, 21. Migne, PL. t. 43, col. 148.

Epist. 61, 2. Migne, PL. t. 43, col. Migne, PL. t. 33, col. 229.

Contra litteras Petiliani 2:77, 172. De baptismo IV, 17, 24. Migne, PL. t. 43, col. 312, 169.

Epist. 185, 10, 46. Migne, PL. t. 33, col. 813.

Serm. 268, 2. Migne, PL. t. 38, col. 1232. Contra Cresconium, II, 12, 15; II, 13, 16; II, 14, 17. Migne, PL. t. 43, col. 476, 477.

Epist. 185, 9, 42. Migne, PL. t. 33, col. 811.

Epist. 208, 6. Epist. 185, 9, 42. Migne, PL. t. 33, col. 952, 811. Contra epist. Parmaeniani, II, 3, 6. Migne, PL. t. 43, col. 54.

De baptismo, IV, 17, 24. Migne, PL. t. 43, col. 170.

Quaest. in heptat. 5, 15. Migne, PL. t. 34, col. 755.

Contra litteras Petiliani, II, 77, 172. Migne, PL. t. 43, col. 312.

De baptismo, 3:16, 21. Migne, PL. t. 43, col. 148

К римлянам, гл. 3.

Против ересей, кн. 3, гл. 1, параграф 1.

См. предисловие к женевскому изд. «Кратко изложенные Евангелия».

См. проф. А. А. Спасский. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Сергиев Посад 1906, стр. 651.

На ариан слово 1:1-2.

Проф. Спасский. Цит. соч. стр. 200.

См. проф. И. В. Попов. Идея обожения в древне-восточной Церкви. Москва 1909. Его же. Религиозный идеал св. Афанасия Александрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1904. Сравн. проф. Спасский. Цит. соч. стр. 198-199.

Против ересей, кн. 3, гл. 18:7.

Слово 2 против ариан, гл. 69.

Служба на Рождество Христово, 2-я стихира на литии.

На литии, стихира 4-я.

На стиховне, стихира на «Славу».

Канон Космы, песнь 1, тропарь 1. Сравн. того же канона 2-й тропарь 3-й песни: *«причастием плоти горшия подав Божественнаго естества»*.

Канон Иоанна, песнь 9, тропарь 2. Сравн. того же канона 2-й тропарь 7-й песни: *«богатство обожения носяй»*. Ирм. 4-й песни: *«рода человека обновление, древле поя пророк Аввакум предвозвещает... людей во обновление слово»*.

Ирмос 9-й песни канона на повечерии предпразднства.

Доказательство апостольской проповеди, гл 99.

Против ересей, кн. 4, гл. 34, параг. 1.

Hohoff. Die Revolution seit dem sechszehten Jahrhundert. Freburg in Breisgau 1887. S. 150.. Von Schleirmacher zu Ritschl. Giessen 1893. S. 5.

Kattenbusch. 1889. Bd. 2. SS. 400-401.

Der Katholik

Н. Терентьев. Лютеранская вероисповедальная система по символическим книгам лютеранства. Казань 1910, стр. 460.

Против ересей, кн. 3, гл. 4:1.

Против ересей, кн. 3, гл. 24:1-2.

Письма Преосвященного Михаила, почившего епископа Таврического. Симферополь 1910, стр. 178.

Священномученик Иларион (Троицкий)

26 декабря 2003 г.